

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

10 OCTOBRE 1935.

LES COSAQUES LIBRES

VIIIe ANNEE

10 ОКТЯБРЯ 1935.

184

10 ЖОВТНЯ 1935.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

РІК ВИДАННЯ 8-ий

Ю. Тиньков

С о д е р ж а н и е :

1. Накануне событий.
2. Трагедия Казачества.
3. **Николай Посохов:** Путиами предков.
4. Не самостийники о ВК и о выборах Походного Атамана.
5. Казачья эмиграция.
6. Как действуют «оппозиционеры».
7. Подлинное лицо Граббе.
8. Выбран ли Граббе Донским Атаманом?
9. Детская страница.
10. Печать о войне.

П о ч т о в ы й я щ и к :

Ницца, Н. Т. — Предыдущий номер журнала, из-за перехода типографии в новое помещение, вышел с большим опозданием. Потому только Вы и не получили его своевременно. Привет.

Белград, Н. Б. — Получено. Привет.

Германия, А. П. — Не было раньше напечатано из-за моего отсутствия. Напечатано в прошлом номере. Привет.

Белград, П. П. — Письмо и бюллетень получены. Привет.

Ромба, М. А. — Ответ послан. Привет.

Лесковец, Н. К. — Письмо от 30-9 получено. Ответ позже — письмом. Привет.

Укр. Н. Дім в Торонто. — Послано. Вітаємо.

Крезю, Г. Ф. — Спасибо. Привет.

Тулуза, С. Ш. — Будет послано. Привет.

Бельфор, Х. В. — Получено. Привет.

Крезю Г. — Получено. Привет.

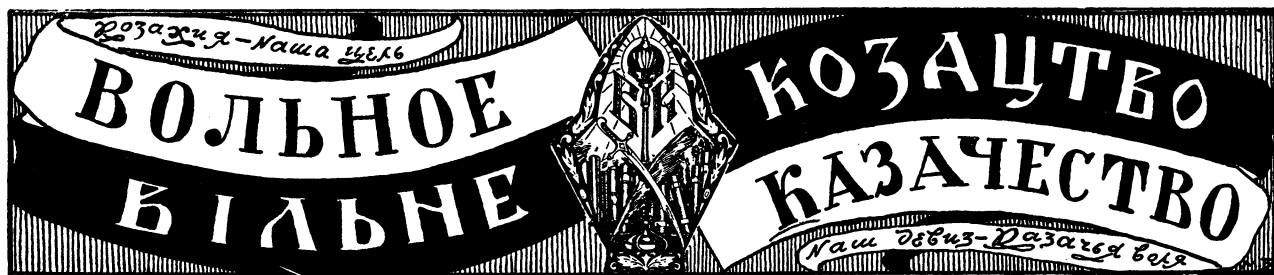
ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 184

Четверг 10 октября 1935. — Четверг 10 жовтня 1935.

№ 184

Накануне событий

Казачьи националисты не скрывают, что осуществление своих заветных желаний они в известной мере связывают с будущей войной, которую, в конце концов, вызовет СССР и в которой он потерпит поражение.

Так как нельзя пока предугадать, когда Советский Союз попробует еще раз свои силы в открытой борьбе с «капиталистическим миром», как нельзя предвидеть на много вперед, с какой стороны могут подойти к большевицкому царству международные события, способные втянуть его в военный конфликт помимо или против его воли, то совершенно понятен — при всяких больших международных событиях — вопрос о том, коснутся или не коснутся они красной империи, докатятся или не докатятся они до его жутких рубежей.

Тем более уместен и логичен этот вопрос сейчас, когда в Африке загремели орудия и неизвестно еще, не перебросятся ли африканский пожар и в Европу.

Пока можно только сказать, что события, связанные с Итало-Абиссинским конфликтом, развиваются так, что не затрагивают непосредственно СССР, сам же он тоже сидит сейчас весьма смирно, несмотря на воинственность III интернационала и «энтузиазм» недавно собравшегося в Москве съезда коммунистической молодежи. — Но, кто может поручиться, что Страна Советов так и останется сидеть, сложа руки, или что международные события будут развиваться так, что все время будут оставлять коммунистическое государство «в стороне»?

Конфликт Итало-Абиссинский уже породил конфликт Итало-Английский и никто еще не может сказать, в какие формы он может вылиться и чем он может кончиться.

Перед каждым казаком стоит уже сейчас вопрос: что может быть завтра? Какие изменения в

сегодняшнюю международную ситуацию могут внести намечающиеся «новые обстоятельства» и как все это может отразиться на ситуации нашей, что может принести завтрашний день нам, нашему Делу?

Правду говоря, сам по себе конфликт Итало-Абиссинский нас может не интересовать совершенно, т. к. к Казачьему Вопросу он никакого касательства иметь не будет.

Конфликт Итало-Английский, если бы он только не был во-время потушен, а, наоборот, привел бы к войне этих двух великих держав, был бы для нас весьма большим минусом, независимо от исхода самой войны, ибо ослабил бы силы двух великих европейских народов, в результате чего поднялся бы удельный вес большевицкого государства и усилилась бы роль его в международной жизни, что совсем не в наших интересах.

Вообще говоря, нам не нужен, нам не выгоден никакой конфликт в Европе, ибо, хотя он и не затрагивал бы нашего вопроса, но, «связывая руки» «капиталистического мира», он тем самым усиливал бы вес и значение в международном свете наших врагов.

Наш вопрос будет затронут только в том случае, если «события» коснутся СССР... Только этот последний случай нас может и должен интересовать.

— Что же делается сейчас в мире? И то, что делается — события, которые происходят, — оставляют ли они нам, в данной международной обстановке, хоть небольшую надежду на разрешение и казачьего вопроса? — Мы, конечно, знаем, что главная роль в решении нашего вопроса должна и может принадлежать только нам самим. Но, кроме главных ролей, есть еще роли вторые и третьи... Так вот — есть ли в теперешней между-

народной конъюнктуре признаки «благоприятные» нам и «неблагоприятные» нашим врагам?

Может быть сегодня еще нельзя ответить на последний вопрос со всею определенностью, но завтра ответят на него уже сами события. Сегодняшняя международная обстановка тем для нас и интересна, что может привести политическое завтра к необходимости дать ясные ответы на многие вопросы, в том числе и на вопросы, нас интересующие непосредственно.

Читатели, конечно, знают суть Итало-Абиссинского конфликта из ежедневной прессы.

Знают они и суть конфликта Итало-Английского. Этот последний формально пока прикрывается конфликтом между Италией и Лигой Наций.

Как известно, Лига Наций признала Италию нападающей стороной и сейчас решает вопрос о «санкциях», т. е. о репрессиях против нее (Италии).

Хотя все это делается под фирмой Лиги Наций, но ни для кого не секрет, что главную роль в осуждении Италии играет Англия.

Как далеко пойдет в этой роли Англия, сегодня сказать еще нельзя. Ограничится ли дело только санкциями экономическими и финансовыми или дойдет и к санкциям военным — на эти вопросы ответит завтрашний день.

В случае, если будет поставлен вопрос о санкциях военных, это будет значить, что Англия решила воевать с Италией. А если бы вспыхнула война Англо-Итальянская, то вряд ли удалось бы локализовать ее, как можно локализовать сейчас войну Итало-Абиссинскую. Но, не будем упреждать событий. Будем все же думать, что Европа и сама поймет, что для нее просто невыгодно тушить небольшой африканский пожар большим пожаром Европейским... на радость товарищам из Москвы.

Нет никакого смысла нам судить большие европейские государства, пока речь идет о событиях нас непосредственно не касающихся. Но об одном ареопаге их — так называемой Лиге Наций — несколько слов скажем (тем более, что некоторые дела его касаются и нашей доли).

Лига Наций поднялась сейчас против Италии на защиту Абиссинии (Так стоит вопрос формально, существо же дела значительно разнится от формальной его стороны).

Но — сколько в мире было и есть несправед-

ливости, сколько страданий, сколько поправо прав целых народов, сколько нарушено национальных интересов народов белых, сколько было обращений к Лиге Наций против насилия больших народов над народами меньшими, сколько раз целые народы слали к ней свое последнее S. O. S. и — никто из них не получил оттуда даже ответа...

Лига Наций — конечно, не Лига Наций, а Лига только некоторых Наций. Прекрасная по идее, Лига на практике не оправдала многих надежд, на нее возлагавшихся. И если она не восстановит в силе своих первоначальных идей, кончит она, конечно, развалом... Нельзя, чтобы справедливость теперешней Л. Н. совпадала бы всегда только с интересами весьма ограниченного количества государств... Нельзя также, чтобы вершителями судеб самой Л. Н. были те, кто должен был бы сесть на скамью подсудимых перед настоящей Лигой Наций!

Раньше внешнюю политику каждого государства вело его правительство. Оно же (все равно — царь, король или президент) решало все вопросы войны и мира. Потом начало принимать участие в решении таких вопросов и «общественное мнение» страны через представительные собрания (парламенты). Ныне этими вопросами занимаются пресса и политические партии, подходя к разрешению их прежде всего со своей партийной или классовой точки зрения. Больше того: пресса и партии хотели бы играть роль чуть ли не большую, чем сами правительства...

Все мы очень хорошо знаем, что давно уже существуют на свете принципиальные противники войны — так называемые пацифисты. Обычно это были раньше «левые», так называемые «прогрессивные» элементы... Сейчас как раз они настроены наиболее воинственно и не прочь идти (вернее послать, т. к. сами они предпочли бы сидеть дома) войною против фашистской Италии. Играют в данном случае роль интересы не государственные, а, опять таки, классовые и партийные...

Повторяем: мы не знаем, что будет завтра, но мы, вольные казаки, должны быть готовы ко всякому завтра.

Будем же готовы!

Пленум Лиги Наций в заседании своем 9-го октября одобрил решение Совета Л. Н., признавшего Италию нападающей стороной, и таким образом предрешил вопрос о применении по отношению к Италии санкций.

По газетным сведениям в Риме поднят вопрос о выходе из Лиги Наций.

Английское правительство постановило созвать парламент раньше, чем это предполагалось, имея в виду создавшуюся международную обстановку.

Некоторые государства уже отказываются продавать Италии те или иные свои товары.

Австрия и Венгрия не присоединились к решению Лиги Наций о санкциях.

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Пока шли выше описанные бои, в результате которых конная группа Буденного заняла Воронеж и подошла вплотную к р. Дону, а части 8-й армии овладели Лисками, оттеснив за Дон левофланговые и части центра 3-го Донкорпуса, правофланговые части того же корпуса и 2-й Донкорпус стремительно продвигались вперед: 8-го октября Донцы заняли Семеновский Поселок, что лежит всего верстах в 10-ти к юго-востоку от гор. Боброва, и в тот же день казаки заняли станцию Таловую; 9-го октября в руки казаков попали Александровский Поселок, Н. Чигла, что находится верстах в 10-15 севернее железной дороги Таловая - Бобров - Лиски, заняли и Шишовку на р. Битюге, 10-го октября казаки захватили Александровку, Бурляевку, Ивановку и станцию Абрамовку, отбросив красных за р. Елань на участке от Новохоперска до ст. Колоно; в тот же день Донцы вели бой на переправах через р. Битюгу у Коршево, Шишовки и Мечетки, и, наконец, 14-го октября донские пластуны под командованием кубанского ген. Гулыги заняли г. Бобров.

После этого 8-я сов. армия занимала фронт по р. Дону с севера на юг, от Ендовища вниз до района Лисок, потом фронт этой армии круто поворачивал на северо-восток, поднимаясь до Коршево и Стар. Чиглы и далее, в общем на восток (40-я дивизия). Корпус Буденного располагался на правом фланге 8-й армии, стремясь прорваться через р. Дон на ее западный берег...

Еще недавно, 7-го октября, командующий Донской армией предлагал Деникину «отказаться временно от движения на север на фронте Добрармии, образовав за этот счет достаточный резерв за ее правым флангом, дабы решительно парализовать возможность попыток противника к глубоким операциям на стыке Дон и Добрармий»... Деникин не обратил должного внимания на это предупреждение...

14-го октября командующий Добровольческой армией ген. Май-Маевский телеграфировал Деникину следующее:

«Главкому, копии генералу Шкуро и командарм Дон.

Вполне присоединяясь к категорически и ясно выраженному мнению генерала Шкуро в его телеграмме наштаглаву Нр. 04271 относительно сложившейся у него обстановки, усердно ходатайствую о соответствующем распоряжении, ограждающем мой правый фланг и тыл от переправы конницы Буденного на правый берег Дона, имея в виду, что в данное время натиск красных на всем фронте и особенно на левом фланге армии все увеличивается и что я совершенно не в состоянии что-либо выделить для противодействия коннице Буденного, если она прорвется в вышеуказанном направлении. При этом считаю нужным оговорить, что предписанная директивой моей Нр. 01041 перегруппировка вряд ли может скоро совершиться, ибо войска прикованы к фронту непрерывных атак противника.

Харьков. 14 октября 1919 г. Ген. Май-Маевский.»

В то время Добровольческая армия уже отступала по всему фронту с территории Великороссии на территорию Украины. Русский народ не захотел принять у себя «избавительницу от власти кучки захватчиков власти»... Русский народ против добровольцев выставил десятидесятные армии.

В тылу Добровольческой армии по всей Украине поднялся восстания против деникинских властей. Против махновцев в степях действовали Терская и Чеченская дивизии и бригада донцов, вырванные Деникиным с антибольшевистского фронта (Деникин. Очерки, т. 5-й стр. 234). Резервов не было и нечем было

прикрыть правый фланг Добровольческой армии...

14 октября командир казачьей конной группы ген. Шкуро направил 4-й Дон. корпус ген. Секретева (без двух полков) против Лискинской группы большевиков. Вместе с тем Шкуро доносил, что «оставшихся у него сил совершенно недостаточно для нанесения удара противнику и для противодействия большим силам красных, сосредотачивающимся в районе Гвоздевки».

В ответ ген. Деникин отдал следующий приказ командующему Донской армией:

«Командарм Дон. Ввиду донесения ген. Шкуро о движении значительных сил конницы и пехоты противника в обход его левого фланга для удара по открытым флангам Донармии или Добрармии, приказываю разбить конную группу противника, для чего сосредоточить в руках Шкуро возможно сильный конный кулак с поддержкой пехоты. Группу ген. Шкуро ни в коем случае не дробить. Таганрог. 15 октября 1919 г. ген. Деникин.»

А в это время ген. Врангель, исполняя поручение Деникина о производстве переворота на Кубани, выбирал в Кавказской армии «надежную» часть для отправки в Екатеринодар... И это делалось, как объяснял Врангель, благодаря затишью на фронте. Фронт шатался и готов был рухнуть, а руки нескольких русских и казачьих генералов взялись рубить в это время кубанский дуб, под сенью которого они, собственно говоря, спаслись...

Была ли в силах Донская армия выполнить поставленную ей генералом Деникиным задачу?

После занятия донцами гор. Боброва, части 3-го Донского корпуса стремились продвинуться далее в сторону Воронежа. Большевики оказывали упорное сопротивление, вследствие чего шли жаркие бои между реками Битюгом и Икорем.

Конные группы 3-го и 2-го Донских корпусов стремительно продвигались далее на северо-восток, в разрез 8-й и 9-й советских армий. Донские части 15-го октября заняли г. Новохоперск.

Другие части 2-го Донкорпуса отбрасывая все далее на северо-восток и на восток разбитые дивизии 9-й сов. армии, 8-го октября переправились через р. Хопер в районе Усть-Бузулуцкой, Акишевской и Тишанской и неудержимо наступали далее вверх по берегам р. Бузулука. 10-12 октября Донцы вышли на железную дорогу Поворино-Царицын в районе станций Филоново - Панфилово - Кумлыга. 11-го октября была взята казачьим ст. Урюпинская.

14-го октября доблестные части 2-го корпуса окружили в районе хуторов Суходольского, Княжевского и Барышникова 22-ю сов. дивизию и вели упорнейшие бои за полное ее уничтожение. Однако, 15-го октября 22-я дивизия вырвалась из окружения у станций Серебряково.

10-я и 14-я донские конные бригады 15-го октября, из района разезда Рогожино, несколько раз атаковывали ст. Себряково, но были отбиты сильнейшим огнем противника.

К западу от станции Себряково, в районе хутора Чаплыженского, эти две конные бригады были стремительно атакованы красной конницей Думенко, прибывшей в этот район с Царицынского фронта. В этом бою обе Донские бригады были приведены в настолько сильное расстройство, что поспешно отошли к станицам Скуриженской и Глазуновской, потом через ст. Кумылженскую были отведены за р. Хопер (данные оперативной сводки Донармии).

И в этом случае особенно ярко проявились пагубные последствия пребывания Кавказской армии в неказачьих руках. Около 15-го октября ген. Врангель

осматривал части этой армии и нашел «полки значительно пополненными и в прекрасном виде»... Несмотря на это, Кавказская армия стояла без движения всего верстах в 45-50 к северу от Царицына, так как Врангель и весь ее старший командный состав усиленно занялись подготовкой переворота на Кубани, а не войной с большевиками (Врангель. Записки, т. 1-й страницы 214-243). Красное командование как нельзя лучше использовало это и бросило конницу Думенко, как уже об этом мы говорили выше, против Донской армии.

Появление красной конницы Думенко на стыке 1-го и 2-го Донских корпусов и неудачный для казаков бой у х. Чаплыженского, явились поворотным пунктом в действиях Донской армии. В это время конные части 2-го Донкорпуса весьма успешно действовали между Новохоперском и станцией Поворино. Только в боях 14-го и 15-го октября донская конница этого корпуса взяла 3.300 пленных, 80 пулеметов и 16 орудий, а 16-го октября казаки захватили уже и станцию Поворино и продвинулись за станцию Кардаил, очистив от красных самые северные границы Дона.

Однако, эти успехи казаков левого фланга героического 2-го Донского корпуса были в значительной мере парализованы успехами красной конницы к западу от Себряково — против правого фланга того же корпуса.

Большие неудачи на правом фланге 2-го корпуса, наступившие после 15-го октября, находились в непосредственной связи с событиями на фронте правее расположенного 1-го Дон. корпуса. Выше мы отметили уже, что 1-й корпус в своих действиях был в значительной мере связан тем, что Кавказская армия по тем или иным причинам оставалась в районе г. Царицына и в октябре не продвинулась севернее Дубовки — устье р. Иловли.

Донское командование 5-го октября обратилось к командованию Кавказской армией с нижеследующей телеграммой:

«Наштарм Кав., копия Комкор 1-го отдельного.

Ожесточенные бои 4-го октября на правом фланге 1-го Корпуса и отход противника против группы генерала Улагая (командующий конной группой Кавказской армии) несомненно определяют отказ противника от операции против Царицына с севера и его перегруппировку для действий между реками Арчеда и Дон. Все возможное к правому флангу 1-го Корпуса уже сосредоточено. Войска Корпуса дали максимум напряжения, но, понеся большие потери в рядовых боях и командном составе, могут оказаться в трудном положении, если противник еще больше усилит действующую здесь группу Думенко. Вместе с тем представляется момент для серьезного разгрома правофланговой группы 10-й армии красных совместными усилиями группы генералов Улагая (Кавказской армии) и Суதுлова (Донской армии). Не признает ли возможным Командарм Кав. продвинуть левое крыло армии на линию р. Берды, упревед левый фланг в Дон у ст. Кременской. Это дало бы возможность первому Донкорпусу снять сильный 30-й конный полк и, будучи спокойным за свой правый фланг, проявить еще большее напряжение в борьбе с группой Думенко...

5 октября 1919 г. 14 час. Нр. 0575/К. За нашт. полк. Кислов».

Ответ на эту телеграмму был следующий:

«Срочно. Вне очереди. Миллерово. Наштарм Дон.

Нр. 0575/К. При личном свидании с ген. Сидориным командарм сообщил боевой состав Кавармии. Активность 1-го Донского корпуса заставила противника оттянуть свою конницу к Арчеде. Учитывая тяжелое положение 1-го Донского корпуса, командарм приказал Кавармии перейти в наступление. Кавармия скует противника на фронте и при первой возможности, до возвращения против нее корпуса Думенко, нанесет еще один короткий удар, что не позволит про-

тивнику убрать с фронта Кавармии другие части. Протяжение фронта до Кременской при малочисленности Кавармии невыполнимо. Значительное продвижение на север при отсутствии в армии транспорта зависит всецело от получения обещанных генералом Мамонтовым повозок.

Сарепта. 5-го окт. 1919 г. Нр.03277. Ген. Шатилов».

В этот же день начальник штаба Донской армии послал следующую телеграмму начальнику штаба Кавказской армии:

«Видь всякой Очереди. Оперативная. Секретно.

Наштарм Кав, копия Комкору 1.

Правофланговые части 1-го Корпуса встретили упорное сопротивление красных севернее Кременской. Находятся кроме того в чрезвычайно тяжелых и хозяйственных условиях в районе сыпучих песков, почему Комкор просит настоятельно выснить в кратчайший срок, предположено ли Кавармией немедленное выполнение предположенного выдвижения на линию Вертячий-Кременская. В положительном случае Комкор 1 надеется настоять на задержании правофланговой группы Корпуса для действий в ныне занимаемом районе. В противном же случае принужден отвести пехоту на Клецкий тет де пон, а конницу — на левый фланг для действий в направлении на Себряновку и далее на Арчеде. Сообщая изложенное в дополнение Нр. 0575/К, прошу не отказать ответить по содержанию сейчас же.

Миллерово. 5-го окт. 1919 г. 19 часов. Нр. 0577/К.

За наштарм полковник Кислов.»

Генерал Врангель говорит: «Продвижение Донцов на север заставило красное командование вскоре оттянуть с моего фронта свою конницу. Это позволило моей армии самой перейти в наступление... 4-го октября все части северного фронта Кавказской армии перешли в наступление и... вышли на линию Дубовка-хутор Шишкин, где и остановились, выдвинув передовые части на высоту села Лозного. Третье наступление красных окончилось также неудачно, как и первые два (августовское и сентябрьское). В шестинедельных упорных боях Царицынская группа противника, в состав которой вошли части 2-й, 4-й, 10-й и 11-й красных армий, была жестоко разгромлена. Дух противника был сломлен. Между тем успешная отдохнуть и значительно пополниться Кавказская армия, после ряда одержанных побед, успела окрепнуть. Опасность Царицыну можно было считать на долгое время устраненной». (Врангель. Записки, т. 1-й стр. 208).

Все эти обстоятельства прекрасно были известны командованию Донской армии, почему оно вышеприведенными телеграммами и просило Врангеля продвинуть Кавармию несколько вперед — на высоту станции Кременской. При этом донское командование, совершенно в соответствии с действительностью, подчеркивало то весьма важное обстоятельство, что «представляется момент для серьезного разгрома правофланговой группы 10-й армии красных».

Говоря выше о рейде Мамонтова, мы отметили, что в августе 1919 г. красное командование взяло из состава 10-й красной армии конный корпус Буденного и бросило его на борьбу с корпусом Мамонтова. Мы также тогда отметили, что уход Буденного с фронта против Кавказской армии чрезвычайно облегчил задачи этой последней. Как известно, после целого ряда боевых перепитий корпус Буденного в двадцатых числах сентября оказался в Воронежском районе, всю свою тяжесть повиснув на левом фланге Донской армии.

В начале октября 1919 г. красное командование, как сказано выше, сняло с Царицынского фронта и конницу Думенко и эта последняя сначала сильно нажала на правофланговую 1-й корпус Донской армии. Врангель и его штаб прекрасно знали, что Донская армия в двадцатых числах сентября перешла в энергичное наступление на всем своем фронте, и неся большие потери, скоро достигла больших успехов, разбив 8-ю и 9-ю сов. армии.

Руководители Кавказской армии прекрасно понимали, насколько важной для общего дела была те-

перь своевременная помощь Дону со стороны Кавармии. Уже за границей Врангель написал правду о состоянии Кавказской армии, признав, что она **отдохнула, пополнилась значительно и совершенно окрепла**. А тогда, в ответ на настойчивые просьбы Дона о скорейшей помощи, о выходе на линию р. Берды, начальник штаба Кавармии ген. Шатилов ответил: «Значительное продвижение на север при отсутствии транспорта зависит всецело от получения обещанных ген. Мамонтовым повозок», как будто Кавармия не имела своих транспортных средств.

Что это была простая, но, в тех страшных условиях борьбы, вне сомнения, **преступная отговорка**, ясно видно из писаний командующего Кавармией ген. Врангеля. Описывая состояние Кавармии в самом начале сентября того года, Врангель говорит: «Захватенной у противника артиллерией укомплектовывались наши батареи, число орудий в большинстве батарей стало нормальным. **Огромные, попавшие в наши руки неприятельские обозы, давали возможность сформировать войсковые и армейские транспорты**... (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 202).

Куда же могли деваться эти все транспортные средства в течение сентября? Конечно, Кавказская армия обладала в октябре 1919 г. совершенно достаточными транспортными средствами.

Но, Врангель, вместе с другими генералами, решили заняться подготовкой и осуществлением государственного переворота на Кубани. Взоры «белых» генералов были устремлены тогда не в сторону большевиков, а на самостоятельную Кубань. Решив заняться переворотом на Кубани и послать для осуществления этого дела генерала Покровского в Екатеринодар, генерал Врангель решил посвятить и все свои силы этому противоказачьему делу.

Поэтому Врангель 6-го октября 1919 г. издал следующий **приказ Кавказской армии**:

«Ст. Сарепта. 6-го октября 1919 г. Славные войска Кавказской армии! Два месяца тому назад противник, собрав многотысячные полчища, бросил их на Царицын. Истощенные четырехсотверстным походом через безводную Калмыцкую степь, с рядами **поредевшими в кровавых боях** под Великокняжеской, Царицыном и Камышином, Вы были сильны одной лишь доблестью. Бестрепетно приняли Вы удар во много раз сильнее шага врага.

Отходя шаг за шагом, с безмерным мужеством отбивая жестокие удары противника, Вы дали мне время укрепить Царицын и собрать на помощь Вам войска (2-я Кубанская пластунская бригада с Украины, 3-я Куб. конная дивизия из-за Волги и пополнения с Кубани, примечание ред.).

В решительном сражении 23-26 августа Вы разгромили 2-ю и 10-ю неприятельские армии и десяти-тысячную конницу врага, наступавшие на Царицын с севера. 18.000 пленных, 31 орудие и 160 пулеметов стали Вашей добычей.

Обратясь на юг, Вы в боях с 1-го по 10-е сентября нанесли полное поражение обходившим Вас с тыла частям 4-й и 11-й неприятельских армий, вновь захватив 3.000 пленных, 9 орудий и 15 пулеметов.

Выдвинув подкрепления, враг с мужеством отчаяния через 15 дней пытался повторить удар. В боях с 28-го сентября по 3-е октября все бешенные атаки его отбиты, и 4-го октября армия перешла в наступление.

Ныне противник отброшен к северу от города на 50 верст, и Царицыну в настоящее время опасность не угрожает.

Блестящая разработка операции штабом армии, во главе с генералом Шатиловым, прекрасное руководство боем старших начальников, генералов Улагая, Писарева, Топоркова, Бибева, Савельева и Мамонтова, доблесть войск обеспечили победу.

Ура Вам, славные Орлы Кавказской армии!
Генерал Врангель»

На другой же день после издания этого приказа, 7-го октября, ген. Врангель выехал из Царицына в Ростов и Таганрог для обсуждения с Деникиным и иными вождями «белого» русского движения мер воз-

действия на казачьих самостийников (см. об этом далее: «Ноябрьский переворот на Кубани»).

Кавказская армия после этого долго оставалась пассивным зрителем событий, происходивших на длинном фронте Донской армии и корпуса Шкуро.

Большевическое командование, очевидно, было хорошо осведомлено о той схватке между русскими еднинеделниками и кубанскими самостийниками, которая в сентябре-октябре 1919 г. приняла такие острые формы. Поэтому большевическое командование демонстрировало нажим на Царицын частями 11-й сов. армии с юго-востока, из района Черного Яра, обстреливало Царицын артиллерийским огнем с восточного берега Волги и в то же время забрало с Царицынского фронта конную группу Думенко и бросило ее против фронта Донской армии. О силе и смелости удара этой группы свидетельствует выше описанный ее набег на тылы Кавармии, осуществленный в самом конце сентября...

К 14 октября красная конница Думенко сосредоточилась в районе х. Шлетнев-Лог-Арчеда. 14-го октября из этого района эта неприятельская конная группа быстро двинулась на северо-запад и 15-го октября нанесла сильный удар Донской коннице на правом берегу р. Медведицы, после которого Донская конница отскочила далеко на запад.

Надо было спасти положение Донских частей между реками Хопром и Медведицей.

17-го октября коннице 2-го Донского корпуса было дано следующее задание:

«Генералу Коновалову по радио, копия полковнику Поливанову и начдиву 3 для передачи всеми имеющимися средствами.

Думенко из района Себряково действует с пехотой на стыке 1-го и 2-го корпусов и вышел 16-го на линию Скуришенская - Андреевский - Суходольский. Дальнейшее его продвижение может создать осложнение на фронте. Командарм приказал Вам, прикрыв частью сил Ваш левый фланг, бывший вчера на линии Филоново - Долгий - Бурацкая (?), теперь же стянуть остальную конницу в наиболее выгодное положение для противодействия Думенко, причем Вам приказано немедленно же вступить в управление всем Корпусом и выполнить задачу согласно переданной полковнику Поливанову Директивы нр. 0714/К.

Наштарм. ген. Кельчевский.»

В тот же день командование Донской армии обратилось к командующему Кавказской армией с нижеследующей телеграммой:

«Командарм Кав. Боем за 16 октября установлено присутствие конницы корпуса Буденного в районе Себряково. Конница 1-го Корпуса, расстроенная боями с Думенко, сосредоточивается в районе Глазуновской. Вся конница 2-го Корпуса в районе Новохоперска. Дальнейшее развитие успеха Думенко в западном направлении от Себряково может поставить в тяжелое положение **первый и второй** Корпуса и привести к серьезным осложнениям на Донском фронте. Командарм Дон просит ударом левого фланга Кавармии воспрепятствовать дальнейшему продвижению Думенко и тем облегчить положение на Донском фронте.

Калединск. 17-го октября 1919 г. Нр. 0713/К.»

Именно в это время ген. Врангель, вместе с генералами Покровским, В. Науменком и другими, был всецело занят спешной подготовкой военного переворота на Кубани, который был намечен на время сессии Кубанской Краевой Рады, созванной на 24 октября в Екатеринодаре.

На всем фронте Донской армии шли упорные бои. Ожесточенные бои происходили в районе Воронежа. Снова оружием решалась судьба Казачества.

Однако, в эти явно трагические для Казачества дни русские генералы главное внимание обратили на организацию борьбы с самостийной Кубанью. В эти дни напряженнейшей русско-казачьей борьбы на огромном фронте от Воронежа до Черного Яра на Волге, на совещании Деникина с Врангелем последний

предложил Деникину: «Воспользовавшись затишьем на фронте, отправить в Екатеринодар, под предлогом укомплектования и отдыха, некоторое число моих частей» для осуществления переворота (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 216)...

Донское командование посылало командующему Кавказской армией одну телеграмму убедительнее другой, настойчиво прося о некотором продвижении Кавармии на север. 5-го октября Донцы просили продвинуть Кавармию хотя бы на широту станции Кременской. Но в этом было отказано со ссылкой на отсутствие в Кавармии транспортных средств — повозок ген. Мамонтова». 17-го октября Донское командование просило вновь «ударом левого фланга Кавармии воспрепятствовать дальнейшему продвижению Думенко и тем облегчить положение на Донском фронте». Но и на эту просьбу начальник штаба Кавармии ген. Шатилов послал следующий ответ:

«Калединск. Генералу Кельчевскому. Командарм приказал уведомить, что Кавармия при настоящем своем составе и полном отсутствии транспортных средств совершенно неспособна предпринимать наступление, связанное с удлинением фронта или удалением от технических средств подвоза.

Царицын. 17-го октября 1919 г. Нр. 03528. Ген. Шатилов».

Генералы из Кавармии официально ссылались на малочисленность состава этой армии, а за несколько дней перед этим Врангель находил, что «армия значительно пополнилась и в прекрасном виде находится»... Да и фактически именно в эти дни Врангель был занят выбором частей для отправки в Екатеринодар и выбрал для этой цели целую бригаду полк. Буряка.

Левый фланг Кавказской армии располагался на железной дороге Царицын — Поворино и при продвижении на север мог пользоваться этой же дорогой.

Если бы Донская армия начала аргументировать отсутствием железных дорог при операциях на северо-восток области, то ей бы давно пришлось прекратить борьбу в Усть-Медведицком и Хоперском округах, так как она имела в тылу только одну железную дорогу Новочеркасск-Воронеж и ни одной в северо-восточном направлении. Кроме того, Кавказская армия летом того же года наступала от Царицына до Камышина и далее на север. Если допустить, что она тогда была численно сильнее, то и противник — 10-я армия — тоже был тогда сильнее, как пехотой, так, особенно, и конницей. Все лето 1919 г. сильный корпус Буденного входил в состав 10-й армии и в июле-июне был много раз бит казаками.

В письме на имя ген. Покровского 21-го октября 1919 г. Врангель сообщал, что кубанские полки, в сравнении с их составом в середине сентября, усилились в 3-8 раз. Как видно из приказа Врангеля от 6-го октября, приведенном нами выше, Кавказская армия доблестно разбивала 10-ю армию при условии, что тогда в ее составе был и конный корпус Думенко. В октябре этот корпус ушел на Донской фронт, весьма значительно ослабив 10-ю армию.

И что же оказывается: слабая численно Кавказская армия была 10-ю в сентябре, когда в 10-й был корпус Думенко; а в октябре, численно в 3-8 раз усилившаяся Кавармия не могла разбить 10-ю, ослабленную теперь на целый конный корпус Думенки.

Суть дела была, конечно, не в численном составе армий противников под Царицыном, а в том, что генералы **замитинговали**, что генералы, по поручению Деникина, занялись **работой подготовки переворота, подготовки издательства над Кубанским выборным народным органом** — Радой. Суть в том, что генерал Врангель, при содействии старших начальников частей в Кавказской армии занялся устройством митингов в самой армии. Например, 18-го октября Врангель собрал на митинг целую 1-ю Кубанскую дивизию и выступил перед ней с речью, полной клеветы на Кубань, и призывал обманутых генералами казаков поддержать генералов (см. об этом далее: «Ноябрьский переворот на Кубани»)...

Положение и задачи Донской армии, ее командующий ген. Сидорин оценивал 17-го октября следующим образом:

«Обстановка: Конный корпус 10-й армии красных, **переброшенный с фронта Кавармии в район сл. Михайловки** и получивший задачу наступления, видимо, против нашей Себряковской группы, 15-го октября, при поддержке пехоты, перешел в наступление в секторе между нижней Медведицей и железной дорогой Себряково-Филиново и вышел на линию Скурищенская-Андреевский-Суходольский. Части 23 дивизии и конница Блинова пытаются потеснить левый фланг 2-го Корпуса с линии Бударино-Провоторская (?). В районе ст. Михайловской противник пытается задержать продвижение нашей конницы на Поворино. Далее на запад, не проявляя особой активности между Хопром и Икорцем, противник выдвинулся к Лискинской и переправился через Дон в районе Устья, Воронежа, Н. Животинского, обозначив нажим на фланги нашей конной группы (4-й Донкорпус и Кавказ. дивизия, прим. ред.).

Дабы не дать коннице 10-й армии обрушиться на выдвинутый правый фланг 2-го корпуса, командарм приказал:

1. Первому корпусу — помешать наступлением между Медведицей и Хопром...

Лишь в крайнем случае **отойти** за Дон и Хопер...

2. Второму корпусу — выполнять задачу и лишь в крайнем случае **отойти** за Хопер, не допустив переправы противника...

3. Третьему — овладеть Лискинским узлом.

4. Ген. Шкуро — обеспечивать фланги Донской и Добровольческой армий».

Таким образом, намечался отвод Донской армии за Дон и за р. Хопер.

В августе — сентябре 1919 г. Дон мобилизовал всех своих сынов до 48 летнего возраста. В сентябре-октябре осуществил блестящее наступление на огромном фронте, но, не поддержанный в должной мере соседями, не смог освободить свои северные округа полностью. Теперь снова инициатива перешла в руки настойчивого противника.

Тяжело, очень тяжело было седому, славному, казачьему Дону...

Что происходило в это время на фронте Добровольческой армии?

30-го сентября эта армия заняла было гор. Орел, но 7-го октября принуждена была уже оставить его под ударами советских войск, в составе которых важнейшую роль сыграли тогда Латышская и Эстонская дивизии.

7-го октября командующий Южным советским фронтом полк. Егоров приказал 14-й, 13-й и 8-й армиям перейти в решительное наступление, при котором 14-я армия должна была сломить сопротивление противника в районе Дмитриева и решительно наступать в направлении Фатеж-Курск; 13-я армия должна была энергично наступать на фронт Щигры-Касторная, а 8-я должна была выйти на р. Дон. Конный корпус Буденного должен был, по овладении г. Воронежем, нанести удар в общем направлении на Курск с целью отрезать части противника, действующие к северу от железной дороги Воронеж-Курск. Ближайшей задачей конному корпусу ставилось овладение железно — дорожными узлами Касторная и Мармыжи.

«Таким образом согласно этой директиве только с 7-го октября можно считать идейно установленным взаимодействие наших частей в Орловском и Воронежском направлениях. Фактически же оно установилось еще позже, утверждают красные исследователи прошлых решающих событий на Южном фронте («Гражданская война 1918-1921», т. 3-й, стр. 277).

После 7-го октября еще несколько дней по всему фронту шли упорнейшие бои Добровольческой армии с советскими войсками. В этих боях обе стороны проявили умение маневрировать, доблестно нападать и храбро защищаться. Все же красная армия сломала сопротивление Добровольческой и последняя медленно отступала по всему фронту.

Вместо похода на Москву Деникину надо было думать о спасении уже дрогнувшей Добрармии... И снова пришлось обращаться... к казакам.

17-го октября Деникин послал приказ Донской армии:

«Командарм Дон. Между флангом Донармии и Добрармией действует значительная активная конная группа красных. Обстановка не позволяет перебросить в этот район новых частей за счет Добрармии. Нахожу необходимым, чтобы Вы всеми имеющимися в Вашем распоряжении средствами пришли на помощь Конной группе ген. Шкуро и, используя пехоту для пассивных задач, а конницу для широкого маневра, разбили группу противника, угрожающего флангам и тылам Донской и Добровольческой армий. Таганрог. 17 окт. 1919 г. Нр. 014152. Ген. Деникин».

В тот же день начальник штаба Деникина телеграфировал ген. Шкуро:

«Комкор 3 Конного ген. Шкуро, копка командарм Дон. Главком вполне оценивает ту трудную обстановку, при которой Вам приходится выполнять Вашу теперешнюю крайне ответственную задачу, но имея ввиду, что Ваша группа состоит из таких частей, как Кавказская казачья дивизия и конница ген. Мамонтова, частей, всегда и везде знавших только победы, главком уверен, что Вы выйдете и теперь из положения. Главком считает, что по выяснении группировки противника Вам необходимо перейти к активным действиям с целью разгромить силы красных по частям.

Таганрог. 17 окт. 19 г. Ген. Романовский.»

Как видим, генералы «умно и честно» вели дело борьбы с большевиками:

а) командующему Кавказской армией ген. Врангелю было поручено подготовить и осуществить гнусное насилие над доверчивой казачьей Кубанью, отдавшей свои лучшие силы и огромные материальные средства на борьбу с русским большевизмом;

б) Донская армия должна была сдерживать натиск части 10-, всей 9-й и 8-й сов. армий и, при помощи Кубанской — Кавказ. дивизии разбить конную группу Буденного;

в) против войск Украины ген. Деникин держал, на правом берегу р. Днепра 2-ю Терскую пластунскую бригаду и Доно-Кубанскую конную бригаду;

г) в степной Украине против повстанцев были пущены 1-я Терская и Чеченская дивизии и Сводная донская кон. бригада;

д) против «зеленых» в горах западного Кавказа боролись тоже казачьи части;

и е) наконец, казаками же Деникин воевал и в Дагестане...

Этим дело не ограничилось. Только 17-го октября начальник штаба Кавармии ген. Шатилов телеграфировал начальнику штаба Донской армии о том, что Кавармия «совершенно неспособна предпринимать наступление, связанное с удлинением фронта», но уже 18-го октября командующий Кавказ. армией ген. Врангель получил следующую телеграмму от начальника штаба Деникина — генерала Романовского:

«Обстановка на левом фланге Донской и на фронте Добровольческой складывается очень неблагоприятно. Противник, отчаявшись прорваться на фронте Вашей армии и правом Донской, в настоящее время повел операцию на фронт Воронеж-Лиски с одной стороны и Кромы-Севск с другой; по овладении указанными участками фронтов, он развивает операцию в обход флангов Добрармии, сосредоточив к флангам ее и продолжая сосредотачивать крупные силы главным образом конницу. Все это требует принятия спешных мер, почему прошу спешно сообщить для доклада Главкому, что Вы могли бы выделить из имеющихся у Вас казачьих дивизий, при условии пассивной задачи, на каковой остановились при совещании, или же Вы могли бы немедленно начать активную операцию, дабы общим движением сократить фронт Донской армии и дать ей возможность вести операцию на северо-запад.

17-го октября 19 г. Нр. 014170. Романовский»,

Врангель 18 октября послал такой ответ:

«014170. Развитие операции моей армии на север не может быть выполнено при отсутствии железных дорог и необеспеченности водной коммуникации. При малочисленности конных дивизий переброска одной-двух на то или иное направление не изменит общей обстановки и неразбитый хотя бы и приостановленный противник, отеснив донцов за Дон, будет иметь возможность обрушиться на ослабленную выделением частей Кавармию. Неблагоприятно слагающуюся обстановку полагаю возможным изменить лишь крупным решением — выделив из состава Кавармии в Ваше распоряжение три с половиной кубанских дивизий не считая бригады посылаемой в Екатеринодар, оставить в Царицынском районе части 1-го корпуса и инородческую конницу, сведя их в отдельный корпус с подчинением его непосредственно Главкому. Буде таковое решение было бы принято, полагал бы желательным оставление комкором генерала Покровского. Царицын. 18 окт. 19 г. Врангель.»

На это последовал следующий приказ:

«Главком приказал срочно перебросить его резерв район Купянска один конный Кубанский корпус, желательнее второй. Дальнейшее будет видно по обстановке. Таганрог. 19 октября 1919 г. Нр. 014252. Романовский.»

20-го октября генерал Романовский сообщал в Донскую армию о «создавшемся тяжелом положении на правом фланге Добрармии и невозможности быстро помочь в угрожаемом направлении живой силой» и требовал скорейшей присылки танков в гор. Харьков.

21-го октября командующий Донской армией ген. Сидорин в телеграмме на имя главкома Деникина сделал следующую общую оценку положения и боевых задач Донской армии:

«Главкому... На Донском фронте к данному моменту наиболее остро складывается обстановка на флангах армии. Уже приходившая к концу ликвидация левофланговой группы 9-й сов. армии в районе ст. Себряково не доведена до конца. Не только не удалось правому флангу Донармии закрепиться на фронте станций Арчеда-Кумылга, но первый корпус, не успевший оправиться после первого столкновения с конницей противника, снова отеснен в низовьях Медведицы. 10-я конная бригада, потерявшая свою артиллерию и обозы, отведена за Дон на пассивный участок. Значительная конная группа противника, отбросив 1-й Корпус, направляется видимо в охват правобережных частей 2-го Корпуса, занявших долину Бузулука до ст. Филоново. Требуется принятие быстрых мер по упорядочению правого фланга и единственной мерой остается направление всего 2-го Корпуса с его конной группой на юго-восток против Себряковской группы противника. Это решение уже приводится в исполнение и таким образом должно отразиться на использовании конной группы второго корпуса для действий против Воронежской группы противника. В случае ликвидации Себряковской группы противника предполагая Первым и Вторым корпусами продолжить операцию в общем направлении на Камышин с целью разбить 10-ю армию противника и тем обеспечить последующие операции Донармии на север.

Еще более осложняется обстановка на стыке Дон и Добрармий, где уже обнажен левый фланг Донармии для совершенно свободного движения противника в юго-восточном направлении от Воронежа. Третьему Донскому корпусу приказано нанести удар в районе Боброва в направлении на Воронеж, но операция эта не может резко изменить обстановку в благоприятном для нас смысле до тех пор, пока вся конная группа не будет способна перейти к активным действиям. Мною отдается приказание, не взирая ни на какие препятствия, направить немедленно из района Михайловской Сводно-конную и пластунскую бригады, сформированные из отставших, выздоровевших больных и раненых казаков 4-го конного корпуса на присоединение к корпусу. Но переброска может быть

произведена только походным порядком через Бутурлиновку-Острогожск и, следовательно, потребует значительного времени. — Естественно, ослабление 2-го Корпуса, путем выделения названных частей, в значительной мере ослабит его энергию. — В ближайшие дни по окончании лечения отбывает на фронт генерал-лейтенант Мамонтов, появление которого в рядах Корпуса несомненно благоприятно отразится на моральном его состоянии. — Усилив 3-й Донской корпус Тульской бригадой и собрав в кулак 4-й Конный корпус, совместными действиями этих двух корпусов я рассчитываю отбросить Воронежскую группу противника и закрепить за нами Воронежский узел. По выполнении этой задачи может быть начата операция в направлении Балашов-Ртищево, но для решительного наступления на фронт Камышин-Балашов и далее на Ртищево требуется предварительное пополнение армии из запасных частей, могущих дать до 25 тысяч бойцов, остающихся без использования за отсутствием обмундирования.

Полагал бы крайне необходимым немедленной высылкой запасов обмундирования, хотя бы за счет других армий, дать возможность Донской армии пополнить свои ряды и продолжить решительное наступление по вышеупомянутому плану. О вышеизложенном доношу и о Вашем решении прошу меня уведомить.

Калединск. 21 окт. 1919 г. Нр. 0737/К. Генерал Сидорин.»

В день посылки этой телеграммы из состава 2-го Донского корпуса были взяты Сводная конная и Сводная пластунская бригады, силою в 1500 шашек и около 2000 штыков при 9 орудиях и 28 пулеметах и через Бутурлиновку-Острогожск спешно направлены на помощь 4-му Донкорпусу, входившему в состав группы генерала Шкуро.

С 20-го октября на фронте 2-го Дон. корпуса разыгрались следующие события: конная группа этого корпуса, очистив Поворино, направилась на юг между р. Хопром и железной дорогой Поворино-Царицын, сбивая на своем пути большевистские войска: 24 октября к северу от Макаровки казаки разбили 31-ю дивизию красных, 26 октября в районе к юго-востоку от хуторов Сантырский и Скобелин конница Коновалова уничтожила 203 и 204 сов. полки и отбросила к югу от ст. Петровской 201-й и 202-й полки 23 дивизии; конная группа Блинова тоже понесла поражение и была отброшена к хутору Сычеву, в бою 26-го взято 7 орудий, 80 пулеметов и 1000 пленных; 28-го октября ген. Коновалов снова отбросил конницу Блинова к северу от станицы Урюпинской, другие большевистские силы были отброшены к Акчерня и заняли Тепекинскую...

Тем временем между той же р. Хопром и железной дорогой Поворино-Царицын, с юго-востока на северо-запад двигалась конница Думенко: 20 октября она нанесла донцам сильное поражение у хутора Сенина, при этом казаки понесли большие потери, оставив в руках красных 2 орудия; упорнейшие бои потом разыгрались на переправах через р. Бузулук.

Другие большевистские части нажимали на Донцов с северо-востока между р. Хопром и р. Бузулуком.

28 октября Думенко был уже в районе Акчеринских хуторов и в тот же день занял станицу Урюпинскую.

К 30 октября красные снова заняли всю линию р. Хопра. Казачья пехота и конница занимали правый берег этой реки.

За вторую половину октября на фронте 1-го Донского корпуса ничего выдающегося не произошло. 17-го октября этот корпус занимал правый берег р. Дона от устья Иловли до станицы Клецкой и на левом берегу: Никуличев — Скуришенская — Андреевский — ст. Кумылженская — х. Бурлацкий у р. Хопра. К концу октября большевики заняли станицы Скуришенскую, Глазуновскую и Кумылженскую, оттеснив донцов к самым низовьям рек Медведицы и Хопра.

В то время, как 2-й Донкорпус с боями отходил на линию р. Хопра, 3-й Донкорпус 21 октября занял узловую станцию Лиски. К 24-му октября к северо-

западу от гор. Боброва донцы достигли сел Романовки, Масальского, Запрудского и Давыдовки. Так как красные в это же время на правом берегу р. Дона продвинулись уже к р. Девнице, донские части, выдвигавшиеся тем временем, как сказано выше, к Можайскому-Масальскому, оказались в довольно тяжелом положении.

На линии Масальское-Давыдовка в конце октября шли весьма упорные бои; оперативная сводка за 27 октября отмечает, что «пластуны Донские после упорного боя в течение целого дня с **неоднократными штыковыми ударами** заняли с. с. Масальское, Запрудское и восточную часть Можайского»... Все же 27 октября Донцы заняли Московское-Каширское и Коломенское, с юго-востока **приблизившись к гор. Воронежу верст на 30-50.**

28-го октября 3-й Донской корпус занимал линию, примерно, Таловая-Московское-Давыдовка (севернее Лисок) — Болдыревка (на р. Девнице), то есть весь тот район, где 8-я сов. армия располагалась в конце сентября. 3-й Донской корпус в течение месяца вытеснил части 8-й красной армии из гор. Павловска, Бутурлиновки, станции Таловой, гор. Боброва, станции Лисок и отбросил части 8-й армии значительно севернее жел. дороги Лиски-Бобров-Таловая.

За этот же период конная группа Буденного и правофланговые части 8-й армии заняли гор. Воронеж и дрались с частями Кавказской дивизии и Корпуса Мамонтова между г. Воронежем и станцией Касторная.

О положении 8-й армии бывший командующий Южным красным фронтом полк. Егоров говорит:

«Все происходившее за этот период на фронте 8-й армии создало следующее положение: в то время, как 12-я и 16-я дивизии (правый фланг армии) имели значительную свободу действий и полную возможность наступать, центр и левый фланг несли поражения и откатывались, цепляясь за местность, к северу. Неудача на левом фланге повлек за собой усугубление тяжести положения центра, а это последнее свело на-нет все успехи правого фланга. И в результате конный корпус Буденного, стянувший к себе значительные силы белых, вынужден был действовать изолированно» (Разгром Деникина, стр. 191).

Бои за Касторную.

Корпус Буденного, при активной поддержке правофланговых дивизий 8-й сов. армии, 11-го октября, как уже было отмечено выше, занял гор. Воронеж. После этого командующий Южным сов. фронтом решил направить этот корпус через узловую станцию Касторная на гор. Курск, т. е., в общем, в западном направлении. Однако главное советское командование приказало двинуть корпус Буденного в северо-западном направлении — на г. Землянский и далее на Ливны для совместных действий с левым флангом 13-й сов. армии в районе Ливны-Елец (Егоров, цит. его работа, стр. 186).

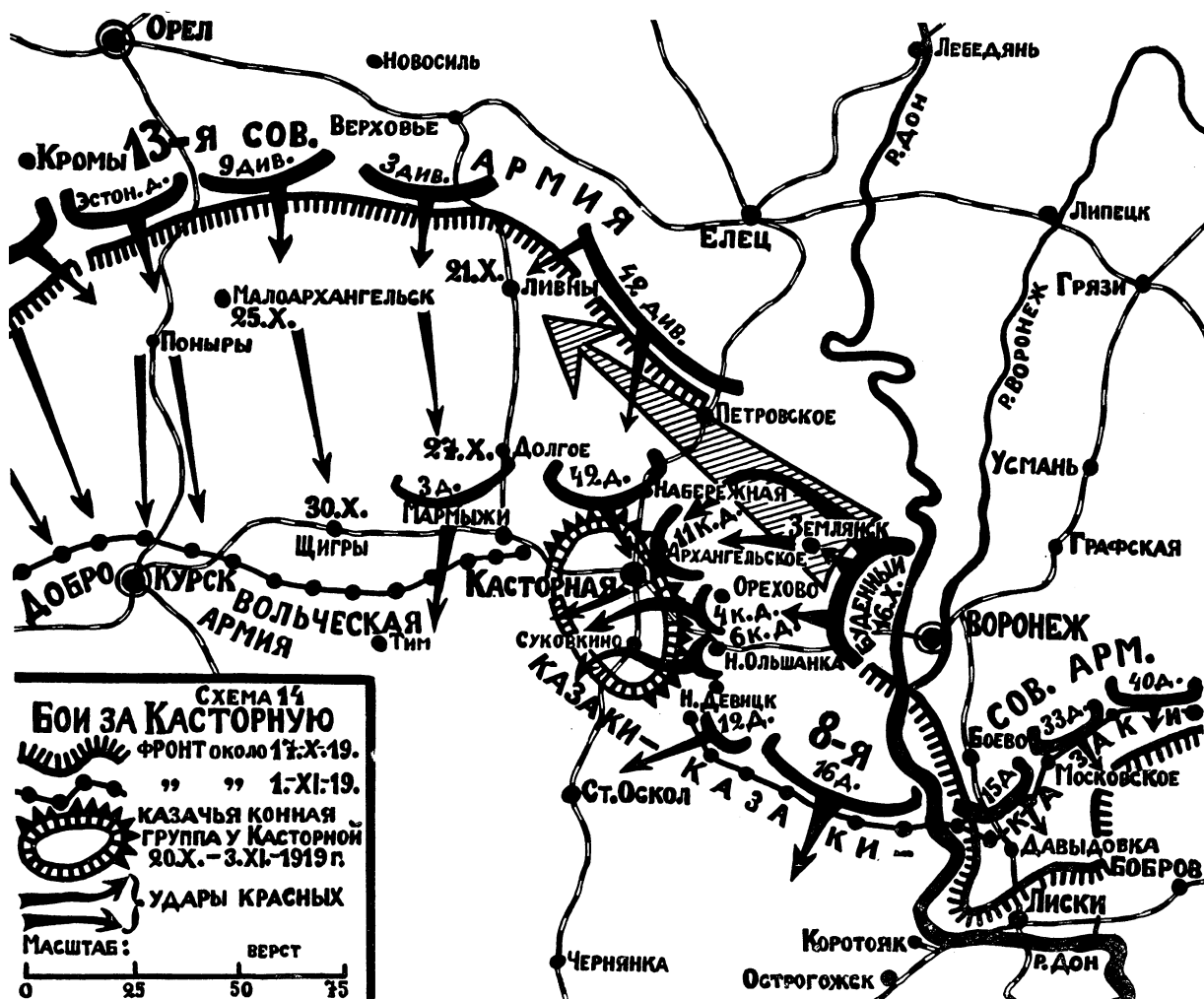
19 октября части Буденного заняли г. Землянский, имея дальнейшее движение на г. Ливны.

Так как к этому времени Добровольческая армия, 6-7 октября отдав красным г. Орел, отступала по всему фронту на юг, само собою отпала необходимость дальнейшего движения корпуса Буденного на Ливны. Поэтому командующий Егоров 20 октября приказал Буденному свернуть из района г. Землянского на узловую станцию Касторную.

Напряженность боев между казачьей конной группой и корпусом Буденного в районе между Воронежем, Касторной и Землянском усилилась необыкновенно.

Мы знаем, что штаб Деникина все надежды возлагал только на казаков. 19 октября начальник его штаба приказал Кавказской армии «срочно перебросить» в резерв главнокомандующего в район Купянска «один конный Кубанский корпус».

А где же были те белые русские силы, с которыми белые вожди хотели идти на Москву? Уже по-

чти два года прошло с тех пор, как начала организо- вываться русская Добровольческая армия, поставившая себе целью спасение России от «кучки захватчиков власти над русским народом», который будто-бы не- навидел большевицкую власть. Где эти Южная, Крым- ско-Азовская, Западная, Северная, Колчаковская и Добровольческая белые армии, долженствовавшие со- крушить армию Ленина-Троцкого? Где же та армия, с которой белые вожди «Юга» думали покорять Ук- раину и Кавказ? Ведь к двадцатым числам октября 1919 г. под властью Деникина всецело были значитель- ная часть губернии Астраханской, весь Крым, Таври- ческая, Херсонская, Екатеринославская, Харьковская Полтавская, Киевская, значительная часть Подольской, Черниговской, вся Курская и часть Воронежской гу- берний. Вся эта территория и по своим размерам, и по количеству своего населения во много раз пре- восходила территорию и количество населения войск Донского, Кубанского и Терского. Почему же так не- отступно Деникин требовал именно от казаков выде- ления сил в район Касторной? Если у Деникина не- чем было разбить конный корпус Буденного, то с чем же белые вожди хотели идти на Москву? Ведь если бы Ленин хотел, он мог бы в октябре 1919 г. значительно усилить новыми войсками свой Южный фронт. А что мог бы Деникин противопоставить этим новым большевицко-русским силам!?

И почему именно в октябре 1919 г. русские белые вожди так набросились на казачью Кубань: 6-7 октя- бря Деникин принужден был отдать большевицкой ар- мии г. Ореда, а 8 октября послал Врангеля организо- вать переворот на Кубани; 11-го октября красные за- няли Воронеж, 19 октября Деникин приказал пере-

бросить один Кубанский конный корпус в район Ку- пянска для спасения положения фронта, а 21-го ок- тября послал телеграфный запрос Кубанскому Атама- ну относительно того, подписала или не подписала Кубанская делегация в Париже проект договора меж- ду Кубанью и Горской республикой...

21-го октября командующий Донской армией ген. Сидорин послал Деникину весьма пространную телеграмму, в которой сообщал о тяжелом положении на фронте 1-го и 2-го Донских корпусов, о необхо- димости «принятия быстрых мер по упорядочению правого фланга» Донской армии — на Себряковском направлении, сообщал о том, что командующий Дон- армией посылает в район Касторной на усиление 4-го Донского корпуса Сводно-конную и пластунскую ка- зацкие бригады, что одновременно с тем приказано Донским войскам 3-го корпуса «нанести удар в районе Боброва в направлении на Воронеж»...

Несмотря на такое тяжелое положение Донской армии, несмотря на то, что командующий ее в рай- он Воронежа-Касторной бросил значительные казачьи силы, на другой день генерал Сидорин получил сле- дующую телеграмму:

«Командарм Дон — Калединск (Миллерово). Наи- более серьезная для нас со стороны противника уг- роза создается в настоящее время в районе Вороне- жа. Последней директивой Нр. 013116 было указано сосредоточить главные силы Донармии к ее левому флангу. Это не приведено в исполнение. Главком при- казал сосредоточить все усилия Донармии на этом угрожаемом направлении.

Таганрог. 22 окт. 19 г. Нр. 014350. Романовский.»

Донская армия, ведя бои на длинном фронте с частями 10-й, 9-й и 8-й красных армий, не была просто в силах выполнить этот приказ белых вождей...

Того же 22 октября Буденный приказал своему корпусу **овладеть Касторной**. На рассвете 23 октября между этим красным корпусом и казачьей конной группой вновь завязались самые ожесточенные и упорные бои на фронте Архангельское-Нижедевицк. Хотя после упорнейшего боя конница Буденного и заняла Н. Девицк, Орехово, Плоское, Гориново и Погожево, но все атаки Буденного на станцию Касторную были отбиты Кубанской-Кавказской дивизией и частями 4-го Донского корпуса.

25-го октября командующий Донской армией ген. Сидорин просил ген. Деникина объединить в руках Мамонтова всю казачью конную группу, действовавшую в районе станции Касторной, при этом ген. Сидорин высказывал уверенность, что это приведет к исполнению директив командующего Донской армией и к тесному сотрудничеству Конной группы с 3-м Донским корпусом, что **обеспечит фланги Донской и Добровольческой армий**.

Однако, Деникин не удовлетворил эту просьбу командира Дон и не назначил ген. Мамонтова командующим этой конной группой, в которой явно преобладали Донцы. Во главе Доно-кубанской группы был оставлен ген. Шкуро.

Почему же не была удовлетворена эта просьба командующего Донской армией? Не потому ли, что, **подготовляя военный переворот на Кубани по поручению Деникина**, ген. Врангель в длинном письме на имя председателя деникинского Особого Совещания ген. А. С. Лукомского 14-го октября писал: «Как командующий Кавказской армией, не могу, со своей стороны, не признать, что боеспособность армии в полной мере зависит от проведения в жизнь указанных мер (переворота на Кубани). **Приезд на Кубань г. Шкуро в период созыва Краевой Рады чрезвычайно нежелателен**, его поведение может лишь дискредитировать в глазах населения армию и я **убедительно прошу Главнокомандующего принять меры к удержанию ген. Шкуро на фронте**» (Врангель. Записки, т. 1-й стр. 221).

25-го октября г. Деникин издал приказ о предании военно-полевого суду членов Кубанской делегации в Париже (см. об этом далее).

26-го октября «Шкуро считал положение Касторной очень тяжелым в **виду слабости и раз'единности фронта соседней Марковской Добровольческой дивизии**» (Журнал военных действий Донской армии).

В это время Марковская дивизия отступала под давлением 42-й и 3-й русских дивизий и эти последние **приближались с севера** к Касторной.

27-го октября ген. Шкуро весьма настойчиво просил Деникина **о возвращении в район Касторной-Воронежа 1-й Терской дивизии**, взятой, как известно, из под Воронежа в начале октября из состава Кубано-Терского корпуса и переброшенной в Екатеринославскую губ. для действий против Махно. Деникин не удовлетворил эту просьбу...

Совсем не то видим у русских «красных»: в двадцатых числах октября корпус Буденного **был пополнен 11-й кавалерийской дивизией**. Кроме того, к правому флангу корпуса Буденного подтягивалась 42-я стрелк. красная дивизия, а левому — 12-я красная дивизия. 42-я див. принадлежала к составу 13-й сов. армии и находилась на ее левом фланге, а 12-я стр. дивизия была правофланговой в 8-й сов. армии.

Изо дня в день шли упорнейшие бои к северу, к северо-востоку и к востоку от Касторной. Даже бывший командующий Южным сов. фронтом Егоров, много лет спустя после описываемых событий, признает, что «сопротивление противника (**Казак**ов, прим. ред.) носило **крайне упорный характер**» (Егоров. Разгром ген. Деникина, стр. 196).

Красные войска делали отчаянные усилия, чтобы овладеть Касторной. Для характеристики боев приведем оперативную сводку за 28 октября:

«Утром 28 октября 10-я Донская дивизия атако-

вала красных у Н. Ольшанки и потеснила противника, но затем была атакована красными одновременно от Нижне-Девицка и Погожево и **отошла с большими потерями** к Верхне-Девицку, у которого остановила продвижение противника...

Перед вечером бригада конницы красных из Лозовки наступлением через хутора Ольшанские заняла раз'езд Суковкино, однако атакой Кавказской дивизии, двух полков 9-й Донской дивизии и батальона стрелков, к этому времени в свою очередь перешедших в наступление и овладевших селениями Погожево и Лозовка, был отброшен с этого раз'езда и, понеся большие потери, **в беспорядке** бежал на сл. Орехов, куда отошли и выбитые из Погожево и Лозовки части противника.

В районе Касторной красные повели наступление с 6-ти часов 28-го октября от Успенского, Знаменского и Архангельского, но нашим огнем были остановлены в тысяче шагов от наших цепей, где и закрепились. Броневики отогнали красных. Наши разбили красных у с. Успенского...

Бывший командующий Егоров признает, что «к 29 октября начинается определенно выясняться **бесплодность всех попыток корпуса Буденного**» (стр. 197 выше цит. работы Егорова).

Как сказано было выше, к последним числам октября 3-й Донской корпус производил сильнейший нажим от гор. Боброва и от Лисок в сторону г. Воронежа. 27-го октября командующий Егоров приказал: «...8-й армии, действуя на флангах армии согласованно с соседями, ликвидировать в кратчайший срок противника в районе Коротояка-Лиски-Боброва и занять таковые пункты» (там же 229).

30 октября командующий Егоров и члены Револ. Военного Совета Сталин, Серебряков и начальник штаба Южфронта Петин в телеграмме на имя красного главкома подчеркивали, что «отход 8-й армии, повлекший за собой неуспех операции Буденного под Касторной»... и т. д. Таким образом действия 3-го Дон. корпуса против 8-й армии отразились и на операциях красных под Касторной.

В самом конце октября бои у Касторной достигли наивысшего напряжения. Оперативная сводка за 31-е октября говорит об этом следующее:

«...Конная группа Шкуро. Н.-Девицк занят нами. Пехота красных атакует Касторную, Алексинскую и Егорьевскую, где **доходило до штыкового боя**. В результате все атаки противника были отбиты. Наши части удержали прежние позиции. В бою участвовал личный конвой командующего (Шкуро)»...

Надо принять во внимание, что только на фронте 3-го Донского корпуса и конной группы ген. Шкуро к началу ноября 1919 г. русские сосредоточили: 31-ю, 13-ю, 40-ю, 33-ю 15-ю 16-ю и 12-ю стрелковые дивизии 8-й советской армии, действовавшей на фронте Колоно - Криуша - Московское - Каменка - Нижнедевицк; далее действовала конная группа Буденного в составе 6-й, 4-й и 11-й кавалерийских дивизий и еще далее 42-я стр. дивизия из состава 13-й красной армии...

Добровольческая армия, располагавшаяся левее конной группы ген. Шкуро, отступала, отдав красным: 21 октября гор. Ливны, 24 октября — г. Севск, 25 октября — г. Малоархангельск, 27 октября Долгое, что на железной дороге Ливны-Мармыжи, последние на железной дороге Воронеж - Касторная - Мармыжи - Курск; 30 октября добровольцы отдали красным г. Щигры, что лежат между Касторной и Курском...

Вследствие такого отступления Добровольческой армии, красные постепенно начали нажимать на Касторную с севера и северо-запада. Таким образом в самом конце октября Касторная была сжата красными уже с трех сторон...

И тем не менее казаки продолжали **упорно защищать ее**.

Бывший командующий Егоров говорит: «Обстановка властно требовала содействия (Буденному) флангов 13-й и 8-й армий... Для успеха **требовалось энергичное выдвижение 42-й дивизии** (от станции Набе-

режная) на юг к Касторной, тем более, что прочие части 13-й армии выходили к 30 октября на железную дорогу Курск-Касторная» (стр. 197).

Теперь красные решили покончить с сопротивлением казаков, защищавших так упорно и так доблестно эту важную узловую станцию на стыке Добровольческой и Донской армий. 1-го ноября Буденный приказал атаковать вновь Касторную, при чем с северо-запада и с севера наступала на нее 42-я дивизия из состава 13-й русской армии, с северо-востока — 11-я кавалерийская дивизия; южнее, фронтом на запад, были брошены 4-я и 6-я особенно сильные конные дивизии, перерезавшие железную дорогу Касторная — Ст. Оскол, южнее 6-й кавал. кр. дивизии наступала от Н.-Девизка на юго-запад 12-я стрелковая дивизия. Как видим, на Касторненский железнодорожный узел было брошено сразу две пехотных и три кавалерийских советских дивизии...

А в это время в глубоком тылу казаков, дравшихся за удержание Касторной в казачьих руках, происходило следующее: 27-го октября Кубанский Атаман Филимонов, весьма активно и смело выполняя свою роль в задуманном генералами перевороте на Кубани, доложил Кубанской Краевой Раде приказ Деникина об аресте членов Кубанской заграничной делегации и о предании их военно-полевого суду; 29 октября ген. Врангель письмом на имя председателя Особого Совещания ген. Лукомского просил Главнокомандующего Деникина «по прямому проводу передать генералу Науменко для меня (Врангеля) в Екатеринодар одну из нижеследующих записок», при чем ставился вопрос прямо: «при сложившейся обстановке» произвести кровавую расправу с Кубанской Радой или же проявить «полное невмешательство во внутренние дела Кубани»; 31-го Деникин приказал расправиться с Радой; 1-го ноября, именно в тот день, когда красное командование, стянув выше перечисленные дивизии к Касторной, приказало разгромить там казачью конную группу, генерал Деникин приказал Врангелю — «предлагаю Вам по обсуждению вопроса с Кубанским Войсковым Атаманом» — произвести переворот на Кубани...

Ген. Покровский приступил к производству самого переворота на Кубани, а Буденный — к атакам на Касторную.

Самые упорные бои произошли 2-го ноября. Храбро дрались казаки, атакуемые противником с трех сторон, но принуждены были уступить красной русской силе, и с 3-го на 4-е ноября Буденный стал полным хозяином в Касторной.

О значении боев за Касторную быв. командующий Егоров говорит следующее: «Этот железнодорожный узел оказался еще более важным пунктом стыка донских и добровольческих частей... Белые понимали, что с потерей Касторной и при распространении красной конницы на юг от этого пункта под угрозу ставилась вся дальнейшая операция и с каждым шагом движения красных все более должно было нарушаться и без того не крепкое взаимодействие двух армий. Поэтому к Касторной были стянуты значительные силы белых (см. об этом далее), и район ее защищался с громадным упорством, которое конница, даже при содействии правофланговых частей 8-й армии, вышедших к Нижнедонецку и занявших этот город, преодолеть не смогла. Потребовалось привлечение еще третьей силы — левого фланга 13-й армии, и только с введением в дело у Касторной 42-й дивизии сопротивление белых было сломлено и начался окончательный их отход... Когда Касторная была взята и упорство белых было здесь окончательно ликвидировано, — фланги белых армий оказались уже разединенными, и представлялась полная возможность перейти к преследованию и уничтожению белых — отдельно Добровольческой и Донской армий (стр. 201).

Тот же автор приводит следующие большевистские данные о силах, защищавших Касторную:

По данным разведывательных сводок перед фронтом корпуса (Буденного) действовали 33 конных и 21 стрелковый, а всего 54 полка, которые группировались у Касторной с основной задачей — во что бы то ни стало отстоять этот весьма важный узел путей» (Егоров. Разгром Деникина, стр. 188).

Эти большевистские данные, конечно, не соответствуют действительности. Как видно из журнала военных действий Донской армии (запись за 7-е ноября 1919 г.), на Касторнинском направлении было сосредоточено всего на всего:

1) в 1-й Кавказской — Кубан. дивизии Шкуро 500 шашек, 6 ор. и 25 пулем.

2) в 4-м Донском корпусе Мамонтова 2000 шашек.

Далее, в период сосредоточения:

2-й Кубанский корпус севернее Н. Оскола 1500 шашек, из них бригада уже в бою;

1-я Свод. Донская бригада — Острогжск 730 шашек,

Команда пополнения 4-го корпуса 773 шашки,

1-й Сводный полк 300 шашек и 6 пулеметов.

Таким образом, в боевой линии у генерала Шкуро находится около 3 тысяч шашек и ожидается около 3 тысяч шашек», говорит журнал военных действий Донской армии.

Далее в том же журнале записаны следующие чрезвычайно важные данные о состоянии фронта и тыла:

...«По имеющимся данным, как части фронта, так и подкреплений **полураздеты, лошади плохо кованы**. Сам Шкуро **неудержимо стремится в Екатеринодар в Раду, почему устроил импровизированный штаб группы**, передав ее начальнику 1-й Кавказской дивизии ген. Губину, сдав эту дивизию полк. Шифнеру (своему начальнику штаба); комкор 2-го Кубанского ген. Науменко тоже в Раде (членом Рады не был, но занимался подготовкой и осуществлением насилия над Радой и Кубанью, примечание ред); начдив этого корпуса, 2-й и 4-й дивизий тоже временные и наштадивы тоже временные. Комкор 4-го Донского ген. Мамонтов, который должен был вступить в командование группой (?), без всякого уведомления командарма почему то оказался в Новороссийске; один из его начдивов — ген. Секретев тоже едет куда-то с фронта, отсутствуют многие комбриги и комполков. Такова общая картина конной группы», с грустью записывает офицер генерального штаба в журнале Донской армии 7-го ноября.

И далее продолжает: ...«Необходимо отметить, что на остальном фронте комкор 2 ген. Коновалов настоял на своем отпуске и уехал в то время, как конница красных обозначила нажим от Новохоперска на Бутурлиновку, а в 3-м Корпусе происходит смена комкора генерала Иванова генералом Гусельниковым, наштакор 3 тоже сменяется... Необходимо отметить, что обозы 4-го корпуса, действующего в районе Старого Оскола, до сих пор благодушествуют в районе восточнее Миллерово. Приказано немедленно...» (там же).

Такую характеристику дает, как видим, официальный документ Донской Армии...

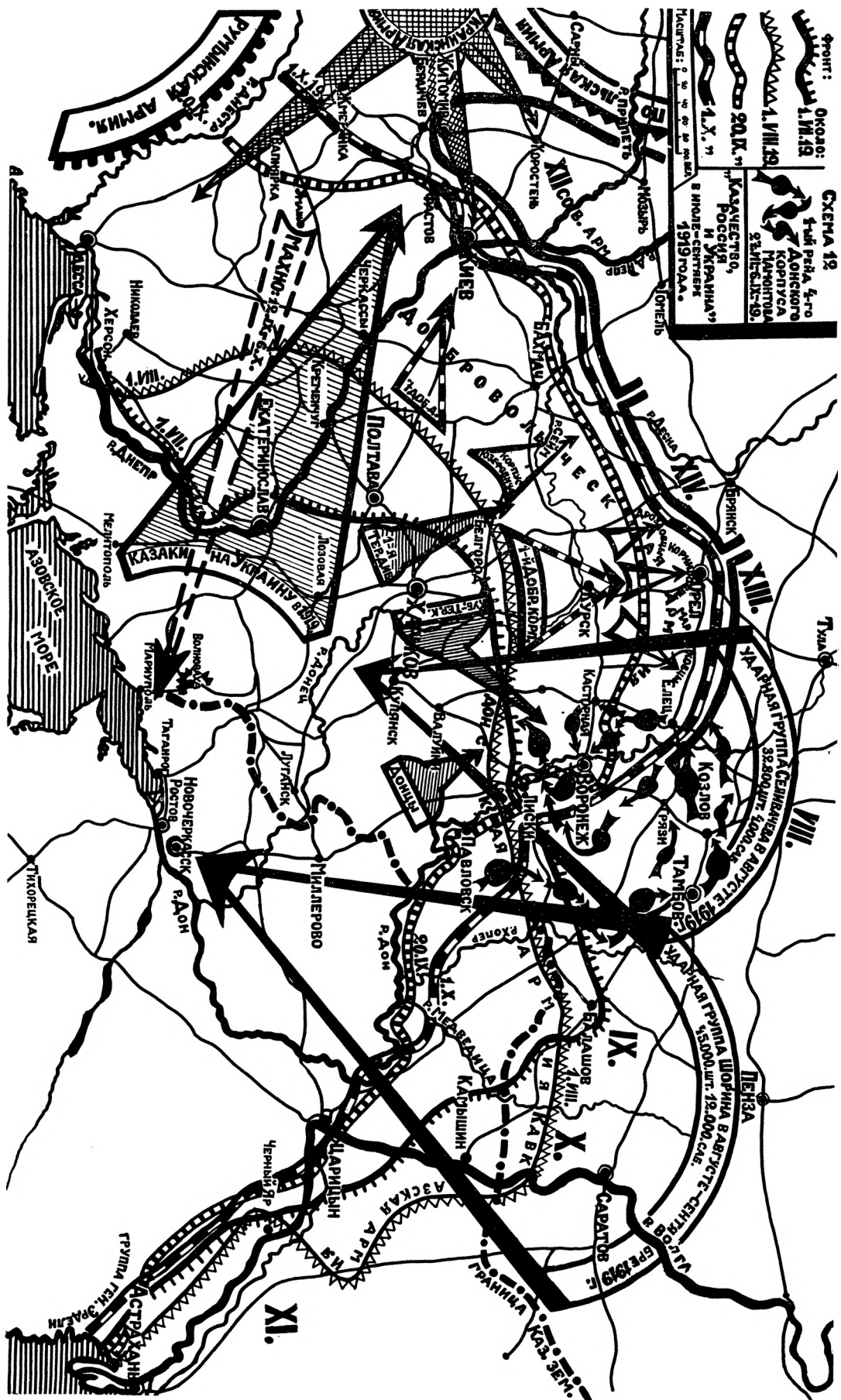
К этому следует добавить, что 6-го ноября «главком приказал один полк из группы Шкуро передать в Добрарию для наблюдения за районом города Тима» (верстах в 50 восточнее от Курска).

6-го ноября ген. Деникин, при поддержке части кубанцев, донцов и терцев, произвел кровавый переворот на Кубани. В ночь под 7-е ноября военно-полевой суд из кубанских офицеров присудил А. И. Кулабухова к повешению... (см. далее: «Ноябрьский переворот на Кубани»).

Россия «красная» и Россия «белая» побеждали Казачество...

(Продолжение следует).

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Помещаемая здесь схема 12 относится к тексту № 182 «ВК» (№ 45 «К.»).

Николай Посохов

Путями предков

(Продолжение)

Утром, в день Рождества Христова, часть солдат и казаков караульного взвода была послана в тюрьму и, по возвращении оттуда, сообщила Джигиту «по секрету», что они расстреляли в тюрьме поручика.

К чиновнику из станицы Прохладной приехала его жена и пыталась лично говорить с командующим армией, чтобы освободить мужа. В связи с этим, его стали чаще вызывать на допрос. Однажды он спустился после допроса в подвал бледный и чем-то расстроенный. Джигит, заметив эту его перемену, спросил о причине.

— Знаешь, ответил он, сегодня закончили мое дело. После допроса я спросил, что меня ожидает? — и политический комиссар ответил «Хотя за вами никаких тяжких обвинений, по собранным сведениям, нет, но как казака и чиновника военного времени, военный трибунал приговорит вас к расстрелу».

Джигит попробовал ободрить его, хотя в душе не сомневался, что приговор военного трибунала для всех их будет именно такой.

Однажды в подвал пришел студент коммунист, узнавший из показаний Джигита, что он тоже учился в Москве, изучая экономические и социальные науки. Он принес с собой пачку газет, в которых говорилось об успехах советского оружия и их культурных достижениях. В газетах писалось, что войска красных заняли всю Кубань, весь Дон и Терек. Доказывая «превосходства» новой власти, студент пытался склонить Джигита отказаться от старых «предвзятых» идей и согласиться служить новой власти.

— Знаете, товарищ, — говорил Джигит студенту, я против того, чтобы служить власти. До сих пор я служил моему народу, из которого сам вышел и которому сейчас грозит опасность быть покоренным русскими; защищая свою родину от вас, я подчинялся только власти, которая сосредоточена в руках правительства, которое тоже выбрано из нашего народа, желающего освободиться от русской власти и стать независимым.

— Но ведь, и мы же служим народной власти, — возражал студент.

— Будем откровенны, товарищ, — сказал Джигит. — Вы, русские, поняли свободу, как свободу для себя и русского народа, а за другими народами этого права не признаете; я видел следы вашей свободы, которые вы оставили в наших станицах после ухода. По этим следам всякий, даже малокультурный человек, назовет насилием, грабежом то, что вы творите под знаменем свободы. Да кроме того, — продолжал Джигит, я, ведь, знаком с учением Маркса и с коммунистическим катехизисом; все это не совместимо с нашей казачьей идеологией; к тому же, руководствуясь вашей непримиримостью к мнениям других, выраженной словами: «кто не с нами, тот против нас», и не разделяя ваших надежд на торжество коммунизма при современном умственно-культурном уровне народа, я всегда, даже согласившись работать у вас, буду для вас чужой и всегда буду в подозрении и постоянном страхе за свою жизнь. А я предпочитаю мгновенную смерть постепенной.

— Товарищ Джигит, я еще приду к вам побеседовать и, так как — добавил он — я знаю, что вас питают здесь плохо, то вот вам талоны на бесплатные обеды в нашу коммунистическую столовую. Здесь хватит на целый месяц. Вас будет всегда провожать солдат.

Накануне Нового Года вошли три матроса, узнав, что в подвале, среди пленных есть офицер. Они вели Джигита на середину подвала и один из них с размаху нанес ему сильный удар в затылок, отчего пленник, потеряв сознание, упал на пол. Матросы начали наносить удары упавшему, куда попало и, на-

конец, полубессознательного выбросили из подвала на улицу, чтобы привлечь толпу для самосуда, но в это время из штаба вышел комендант и остановил расправу, приказав морякам уйти, а часовым приказал посторонних в подвал не допускать.

Казаки пленники в первое мгновение было сбегались со своих мест и хотели броситься на матросов, но солдаты часовые стали между казаками и матросами. И казаки, стивнув зубы и сжав кулаки, бледные, смотрели на эту дикую картину.

Комендант прислал фельдшера оказать помощь пленнику. Через некоторое время, с помощью фельдшера, к Джигиту вернулось сознание; все тело его глухо ныло, лицо покрылось кровоподтеками, ступнями засохшей крови; он чувствовал себя слабым и разбитым физически. Фельдшер дал Джигиту выпить рюмку разбавленного спирта.

Казаки все сбились в кучу в углу, Джигит присоединился к ним и вскоре оттуда полились тихие звуки казачьих песен. Скоро все только-что пережитое и виденное, отошло в прошлое и душа Джигита, как-бы оторвавшись от земли, витала где-то в облаках; он уж забыл о только-что перенесенном самосуде и душой и чувством отдавался песне-рассказу, где вспоминались еще более жестокие муки казаков в турецкой неволе.

Никем не замеченный, вошел студент-коммунист и стал в отдалении, слушая песни. Он переводил свой взгляд с одного казачьего лица на другое и удивлялся: все лица светились вдохновением; он перевел взгляд на Джигита. Ему полчаса назад рассказали о самосуде над пленником и он думал увидеть отчаявшийся, огорченный взгляд, а теперь, сверх ожидания, видит Джигита, окруженного казаками и поющего вместе с ними. Действительно, все лицо пленника носило следы самосуда, но глаза его горели неведомым огнем и взгляд его был устремлен вдаль, не замечая окружающего.

Но вот, песня стихла. Студент-коммунист приблизился к Джигиту.

— Здравствуйте, товарищ, — обратился он к пленнику, присаживаясь на принесенный солдатом стул. — Мне рассказали о дикой сцене, разыгравшейся здесь и я пришел навестить вас; и скажу правду, я заслушался ваших казачьих песен. И, знаете, товарищ, слушая, я о многом размышлял и вот прихожу к заключению: что вы, казаки, действительно не похожи на нас, русских. У вас другая душа. И откуда у вас, казаков, берется эта могучая нравственная сила?

— Видите, — ответил Джигит, — вы, русские, никогда не знали и не старались узнать нас, казаков, а только пытались подчинить нас и сделать похожими на себя. Так поступало русское правительство, стараясь обратить вольный народ в военно-служилое сословие; вы же, строя социалистическое государство, где не должно быть классов и сословий, все-равно боретесь с нами, казаками, т. к. тоже не хотите признать за нами право на незасимое существование, как отдельного народа, отличного от русского. Сейчас вы сами видели одухотворенные казачьи лица, зажженные воспоминаниями, хотя и печального, но славного прошлого. Тот огонь, что вы видели в глазах казаков, есть огонь веры, что независимое существование казачества вернется и нация казачья возродится; песня — это душа народа. Силы души этого народа вы сейчас сами видели и свидетельствовали о ней, а я вам добавлю: тело вы наше, казачье, можете убить, но духа не угасите.

— Да, товарищ Джигит, сегодня на основании всего виденного, и слышанного, и продуманного, я заключаю, что вы во многом и во многом правы, в том, что говорили мне раньше. Зверский самосуд над ва-

ми я никакими словами не могу оправдать. Действительно, было слишком несвоевременно дать свободу русским рабам. Вы, вот, казаки, и интеллигентные, и учившиеся и неучившиеся, понимаете друг-друга, а у нас этого нет. Мне иногда приходит в голову сравнение: что мы, коммунисты, в отношении русского народа занимаем место укротителей диких зверей, а сама Россия, это громадная клетка и, если мы, коммунисты, подобно растерявшемуся укротителю, потеряем почву или допустим ошибку, то этот народ, еще не утративший звериных инстинктов, опрокинет нас и мы послужим пищей их кровожадности...

Коммунист, простившись, ушел, обещая при случае вновь зайти побеседовать.

На другой день караульный начальник подозвал Джигита к выходу подвала, говоря, что кто-то хочет его видеть. Подойдя к выходу, Джигит узнал в спрашивавшем его однополчанина по Великой войне, подхоруженго Шкварина; худой, бледный, с заросшей бородой, подхоружий выглядел больным. Джигит попросил пустить его в подвал. Сидя рядом с Джигитом, подхоружий рассказал, что дела на фронте плохи, хотя газеты и пишут об успехах.

— Я, — рассказывал он, — направляюсь на пристань, что на Каспийском море, туда будет отходить вся армия, а затем пойдем в Царицын.

Долго беседовали бывшие однополчане, когда-то дравшиеся против немцев, а теперь один в плену у другого. Подхоружий Шкварин участвовал в разгроме остатков старого полка и рассказал Джигиту, что полковое знамя изорвал на куски урядник Каратушка. Рассказывал также, как убили последнего командира полка, хоруужего Негодина вместе с хозяином табачной плантации Тисковским на его собственной плантации за то, что полк пытался поднять восстание.

Простившись, Шкварин ушел. Джигит погладел ему вслед, на его шатающуюся походку и подумал про себя: «Не дойдешь ты, брат, до пристани, черное крыло смерти уже обвело тебя».

Проснувшись рано на Крешенье, пленники увидели, что караульные солдаты о чем-то между собой шепчутся. Через некоторое время всем пленникам было объявлено — собираться и идти на станцию грузиться в вагоны. Из разговоров солдат между собой, Джигит понял, а также казак Зозуля подтвердил, что штаб армии ночью покинул город и уехал по железной дороге. Солдаты, недовольные тем, что им не уплатили жалованье, решили догонять штаб и потребовать свое, а также решили вести с собой и пленников.

Придя на станцию, увидели большой беспорядок и растерянность. Отдельные вагоны для казаков-пленников и караула не оказалось, разместились по частям. Джигит, три казака и два солдата конвоира поместились на платформе с сеном. Говорили, что едут во Владикавказ. На станции Прохладной один из конвоиров сказал, что больше половины пленных разбежалось. Чиновник станицы Прохладной тоже убежал. Закопавшись меж тюками сена, Джигит заснул. Проснулся перед утром. Поезд был в движении. От солдата Джигит узнал, что их везут в Моздок. Молодой же казак конвоира, который чувствовал особую симпатию к Джигиту и всю дорогу доставал и приносил пленнику то кусок хлеба, то кусок вареного мяса, не обращая внимания на ворчание красноармейца, бывшего шахтера из Александрогрушевска, на лице которого отпечатались следы его многих зверских расправ с пленниками-казаками, о чем он рассказывал с видимым самодовольством и даже с гордостью. Казак добавил также, что с этим составом в Моздок едут только их три конвоира, и шесть пленников, а что все остальные пленники, которые еще не убежали и их конвоиры ночью в станице Прохладной были прицеплены к другому поезду, который отправился во Владикавказ. Об этом уже в дороге узнали конвоиры. Казак также сказал Джигиту, склоняясь к нему и выбрав удобный момент, когда другие отвлеклись разговором:

— Вам тоже надо убежать, так как красноармей-

шахтер говорит, что надо освободиться от пленных и самим догонять штаб. Он говорит, что если в Моздоке никого не найдет, то поведем всех пленников в лес и порубаем, а потом скажем, что они хотели бежать и мы их постреляли...

— И какой-же он дурень, скажи ему, — ответил Джигит, — разве в Моздоке нет коменданта, чтобы сдать всех пленных под расписку, а с ней потом догонять штаб...

Перед вечером поезд прибыл в Моздок. Совет Джигита был принят конвоирами к сведению и пленников сдали коменданту под расписку, под общим названием белых пленников, не указывая, кто из них офицер и кто казаки. Казаки, знавшие Джигита, также хранили молчание. Всех пленных поместили в Моздокскую тюрьму, расположенную на крутом, обрывистом берегу Терека. Пленники были помещены в одну камеру все вместе. В этой камере они нашли еще шесть человек арестованных; один из них был глубокий старик, казак станицы Терской, Инютин, арестованный за выступление на станичном сборе против коммуны; двое были казаки, обвинявшиеся в дезертистве и в убийстве четырех солдат красноармейцев, которые пришли их арестовать в доме, как дезертиров. Были также два солдата ставропольца, сидевшие за убийство двух монахинь из женского монастыря. И, наконец, шестая была женщина, вдова-казачка станицы Лукковской, обвинявшаяся в вооруженном сопротивлении и убийстве красноармейца, когда тот пришел забрать со двора ее корову. Бедная женщина, видимо, сильно страдала. Глаза ее были красные от слез и бессонных ночей и мучительного беспокойства о двух маленьких детях, оставленных дома.

На ночь камеру закрывали на ключ. Днем же она была открыта и арестованные могли гулять в тюремном дворе и даже заходить в другие камеры. Во дворе тюрьмы стоял большой куб, в котором арестованные кипятили чай. Жидкая похлебка на обед, полседки на ужин и четверть фунта черного хлеба на весь день, вот тот малый паек, которым кормили арестованных. Только кипяченой воды было в достатке.

Попав в тюрьму, Джигит стал присматриваться к своим новым невольным сожителям — товарищам по несчастью. Старик Инютин был мрачен, молчалив и недоверчиво смотрел на вновь прибывших. Другие были более словоохотливые.

На другой день Джигит побывал в большой камере, где жил староста и где было до тридцати человек — арестованных местных жителей, так называемых буржуев и офицеров, а также священник станицы Лукковской. Здесь большая часть времени проходила в чтении Библии и Евангелия вслух и в разговорах на религиозные темы. Здесь Джигит узнал от арестованных, что каждую ночь кого-либо из них уводят из камеры и расстреливают на крутом берегу Терека, позади тюрьмы, а труп сбрасывают в Терек. Староста тюрьмы, который каждое утро ходил на базар и вел различные переговоры с надзирателем тюрьмы, оказался словоохотливым и интересным собеседником. Это был волчек, т. е. человек, который при царском правительстве, имея так называемый волчий паспорт, не имел права останавливаться долго на одном месте и таким образом должен был колесить по всей России. В студенческие годы он, учась в Харькове, судился за социалистическую пропаганду и организацию забастовки. Ему грозила строгая кара, но он имел связи в высшем свете и поэтому эта кара была заменена ссылкой в Сибирь на небольшой срок, по окончании которого ему и вручили волчий билет.

— У нас, товарищ, хорошо живется, — говорил он Джигиту, — ко всему человек привыкает. Вот посмотрите на меня, я привык к бродячей волчьей жизни, а вот теперь меня спрятали сюда. Такова моя роковая судьба. При царях меня прятали в острог и при свободе тоже спрятали; я никогда никого не зарезал, не убил, а вот поди же, ни при старом режиме, ни при новом мне не разрешается жить на свободе, как я хочу; патенты на политических и революционных героев получили все бывшие каторжники и уголов-

ные преступники, а мы, гонимые за политику, так и остались в опале за то, что не имеем на своей совести ничьей крови.

Скучно и монотонно тянулись для Джигита дни тюремной жизни. Мысль, что на таком скудном питании ослабеешь и не уйдешь из тюрьмы, неотвязно вертелась в мозгу. Постепенно он начал нащупывать почву, ища доступ в мысли и души казаков, арестованных за дезертирство и убийство. Заметив, что они охотно и более откровенны с казаками, пришедшими вместе с ними, с которыми они вели долгие разговоры при игре в карты, Джигит посвятил сперва в свой план казаков-пленников и просил их помочь склонить к освобождению и тех шесть арестованных, которых они нашли в этой камере.

Однажды утром староста-волчек, вернувшись с базара, сообщил, что дела у красных неважны и во всем заметна растерянность в городе. Ингуши, охранявшие мост через Терек, не получив жалования в срок, бросили охрану и ушли к себе в аулы.

Джигит сообщил казакам, что настало время действовать. Назначив каждому его роль и объяснив, что надо делать, Джигит пошел к старосте и сказал ему, что арестованные его камеры просят надзирателя тюрьмы для разговоров в их камеры. Староста сказал, что это можно сделать после обеда. После обеда в камеру арестованных вошел староста с надзирателем. Казаки, стоявшие у дверей, по знаку Джигита, бросились сади на вошедших и в одно мгновение связали им руки и ноги и закрыли рты кляпами. Сняв у надзирателя ключи от наружных дверей тюрьмы, все арестованные вышли из камеры и закрыли ее на ключ, оставив в ней лежать двух связанных. Подойдя к наружной двери, Джигит увидел через слуховое окошко, что часовых солдат снаружи нет. Повидимому, они были в соседнем трактире, где слушали граммофон. Открыть дверь и выйти всем из тюрьмы было делом одной минуты. Закрыв опять тюрьму, Джигит забрал ключи с собой. Выйдя, все поспешили распылиться в разные стороны и смешаться с толпой на базаре, который был рядом.

Выйдя из тюрьмы, Джигит в нерешительности и раздумьи остановился, не зная, куда направить свои шаги. Города он не знал, знакомых у него здесь не было. Эту нерешительность заметил старик Инютин и, как бы догадавшись о его мыслях, прошептал на ухо:

— Станичник, я вижу, что ты казак и все другие с тобой, да только с Кубани; переходите все через реку, мост не охраняется, и идите в станицу Терскую, пройдете ее всю и на другой окраине спросите двор Инютина, скажите жене, чтобы она вас приютила и накормила. Я останусь в городе до ночи, все разнюхаю и разведаю, а ночью вернусь домой. Старухе скажите, что нанял вас всех в работники.

Сказав это, старик свернул в переулок и скрылся с их глаз.

Джигит в пол-голоса сказал казакам:

— Станичники, разделитесь по двое, чтобы не так было заметно, переходите через мост и направляйтесь к станице Терской; там, перед станцией соберемся как-нибудь все вместе.

Остановив проходившего солдата, Джигит заговорил с ним о фронте. Солдат неохотно отвечал.

— А слышал, товарищ, как подвели нашу власть неосознательные ингуши?

Солдат не знал ничего. Джигит рассказал, что ингуши отказались воевать за советскую власть. Многоэтажная матерная брань последовала по адресу ингушского народа из уст сознательного товарища.

Видя, что казаки уже далеко впереди и первая двойка скрылась из глаз, Джигит тоже направился на мост и, не спеша, перешел на другой берег. Вступив на дорогу, змеившуюся по направлению станицы Терской, и увидев недалеко от дороги нечто, вроде роши или леска, Джигит перекрестился. Перед самой станицей все снова собрались. По станице шли гурьбою и, пройдя ее, в последних дворах, Джигит спросил у одной женщины, стоявшей у ворот:

— Скажите, станичница, где двор казака Инютина?

— А вы кто будете?

— Да, мы казаки, — ответил Джигит, — старик Инютин послал нас к себе домой.

— Ох! брешешь ты, станичник, мой муж сидит в тюрьме.

Тогда Джигит, догадавшись, что сразу попал на искомый двор и подойдя к казачке вплотную, сказал ей тихим голосом:

— Станичница, мы все ушли из тюрьмы с вашим мужем и он послал нас к себе, чтобы вы приютили нас у себя, пока он не вернется. Ночью он будет дома.

Хотя еще и не совсем уверенная, казачка все же открыла калитку и впустила пришедших. Покушав хорошо, казаки сейчас же предложили свои услуги работать по хозяйству. Хозяйка, видимо, обрадовалась такой помощи. Одни пилили дрова, другие кололи.

— Завтра или послезавтра, когда вернется мой старик, будет много работы. Будем резать кабана. Боймся, что в коммуны заберут, так лучше мы его сами с'едим.

Джигит после обеда почувствовал слабость и озноб. Хозяйка посоветовала ему лечь на печь. Заметив, что на полушубке Джигита свободно разгуливают вши, она предложила ему снять с себя все белье и дать ей. Джигит, раздевшись до гола, покрывшись простыней, сбросил с печи все свое белье, которое было быстро постирано и помещено в котел, где было основательно проварено. Почувствовав тепло, Джигит заснул глубоким сном. Он не слышал ни как вернулся старик Инютин, ни как все казаки вместе с ним пили и пели песни; старик и его зять принесли вино — чихирь, отпраздновали освобождение из тюрьмы и далеко за полночь затянулась беседа и песни в казачьей хате, наглухо закрытой ставнями.

На другое утро Джигит пробудится поздно и, открыв глаза, долго лежал на теплой печке без движения, как бы собираясь с мыслями, приводя их в порядок. Голова была тяжела; пробовал двигать руками и повернуться на другой бок, но почувствовал тяжесть во всех членах, как будто они были налиты свинцом. «Заболел», промелькнуло в мозгу Джигита.

В курене царил глубокая тишина, а хозяйка-казачка, работавшая около топившейся печи, услышав, что ее гость пробудился, вышла из-за печи и, обращаясь к Джигиту, сказала:

— Что, сынок, проснулся, отдохнул? Хочешь есть? Я топлю печь и, если любишь сало, я поджарю сала.

— Нет, мать, мне есть не хочется, а хотелось бы попить чаю.

— Жаль, сынок, чаю настоящего у нас нет, а пьем мы разные сушеные листья или цветы розы, что насушили летом.

— Тогда бы, мать, если бы вы достали молока и согрели, я бы выпил.

— Чего же доставать, когда молоко у меня есть дома, коммунисты еще не успели свести со двора корову, хоть и поговаривали об этом. Сейчас я вскипачу и подам тебе на печь, а если хочешь, слезай с печи и пей молоко у стола, так тебе будет удобнее. Я тебе все твоё белье приготовила. Ночью здесь около печи оно высохло, а утром я его выгладила, сколько в нем было вшей, страсть и подумать! А шубу твою я оставила на дворе, старик мой принес тебе чистую шинель.

С этими словами она передала чистое белье Джигиту и пошла к печке приготовить молоко. Джигит начал одеваться, члены его как-бы одеревенели и он с большим усилием оделся и почувствовал усталость. Он слез с печи и, шатаясь, подошел к столу, камнем опустился на скамью, склонив на стол голову; в голове шумело, казалось, комната кружилась, мысли путались, но в глубине души все же жила мысль и надежда на спасение при сознании, что он находится в казачьем курене, в казачьей семье.

Хозяйка поставила перед ним глубокую миску молока и ломоть хлеба.

— Ну вот, кушай, сынок, на здоровье.

Джигит принялся пить молоко, не прикасаясь к

хлебу. Увидев, что Джигит попил молоко, хозяйка предложила еще.

— Нет, спасибо, мать, я теперь полезу опять на печь.

— А хлеба так и не попробовал, — сказала хозяйка, убирая со стола.

Дверь отворилась и вошел старик Инютин. Подойдя к Джигиту, который поднялся было с намерением идти к печи, он сказал, протягивая руку:

— Здравя желаю, господин сотник, как вы себя чувствуете? Я сегодня ночью узнал, что вы офицер, всю ночь мы гуляли вместе с вашими казаками и они сказали, кто вы. Но вы не бойтесь, — успокоил старик Джигита, — вы теперь у своих, вы сейчас слабы, проправляйтесь, живите у меня, а потом, если захотите, ингуши вас проводят в отряд Бичерахова — там тоже нужны казачьи офицеры и мы имеем связь с этим отрядом.

Или от выпитого молока, или, может быть, от таких слов, Джигит почувствовал себя духовно бодрее и веселее.

— А молодцы казаки и ставрополец, что пришли с вами. Завтра обещали помочь зарезать кабана и приготовить в прок, а послезавтра думают отправить к моему сыну в отряд на острова Терека. Мой сын урядник, имеет отряд повстанцев в 200 человек, он устраивает засады на большевиков и уничтожает их, а седла и лошадей собирает, чтобы сажать на них новых добровольцев.

Несмотря на вспыхнувшую бодрость духа, Джигит почувствовал себя физически слабым и попросил старика достать ему хины.

— Я думаю, отец, что у меня лихорадка, нужно бы принять хины.

— Это я вам сейчас дам. Старуха, дай ключи от шкатулки.

Взяв ключи, старик открыл шкатулку, стоявшую на угольнике в красном углу, вытащил пригоршню порошков и, передавая Джигиту, прибавил:

— Вот, выберите себе, тут есть разные и на каждом фельдшер написал — какое; есть хина, аспирин и другие; наш фельдшер, чтобы не отдать всех станичных лекарств товарищам, раздал все нам, казакам.

Сделав порошок и проглотив его с водой, Джигит снова полез на печь.

Через день казаки, пришедшие с Джигитом, закончили работу с кабаном хозяина и пришли проститься с Джигитом. Пришел также сын хозяина, урядник, который принимал их к себе в отряд, снабдив их конями, седлами и всем необходимым. Заботливый уход хозяйки-казачки, хорошее питание и уверенность, что прошла опасность для Джигита — силы его окреплись и казалось, он поборол болезнь, он стал выходить во двор и греться против солнышка; иногда он подходил к воротам и подолгу смотрел на пустынные улицы казачьей станицы. Так прошло несколько долгих дней.

Однажды, после обеда Джигит, подойдя к воротам, увидел проезжавших по улице верховых казаков с красными башлыками.

— Эй, станичник, — обозвал он одного, — какого полка?

— Второго кубанского.

Зная, что и у красных есть такой же полк и зная всех командиров сотен кубанского полка, Джигит спросил:

— А кто у вас командир сотни?

— Сотник Ляпин.

— Так ты второй сотни? Послушай, станичник, я сейчас напишу записку сотнику Ляпину, а ты ему отвезешь ее немедленно.

Радостно возбужденный, Джигит вбежал в курень и попросив у хозяйки лист бумаги и карандаш, вернулся обратно к воротам и передал записку ожидавшему у ворот казаку. Взяв записку, казак помчался от двора. Джигит вернулся в курень и весело сообщил хозяйке:

— Ну, мать, спасибо вам за ласку и приют, сейчас я говорил с казаком нашей дивизии — мой полк

здесь недалеко в станице Лукковской и я сегодня же вернусь в полк.

— Да вы еще больной, куда же вы поедете?

— Ничего, скоро поправлюсь.

Минут через двадцать ко двору под'ехала линейка и сотник Ляпин верхом с казаком, с которым Джигит передал записку. Услыхав шум под'ехавшей линейки, Джигит выскочил из куреня. Сотник Ляпин уже входил в ворота. Соратники бросились в объятия и расцеловались.

Ляпин засыпал Джигита градом вопросов, так было невероятно для него видеть его живым, так как все в дивизии считали его уже погибшим. Однако, видя утомленный, болезненный вид Джигита, приехавший спохватился и сказал:

— Садись на линейку, поедем ко мне, а там заедешь в штаб дивизии в Моздок и сегодня же будешь у себя в полку.

Простившись с хозяйкой и тепло поблагодарив еще раз за приют и пожалев, что нет хозяина, чтобы проститься с ним и поблагодарить, Джигит и Ляпин вышли на улицу. Ляпин передал лошадь казаку, а сам сел с Джигитом на линейку и до самой квартиры расспрашивал у него о его переживаниях в плену.

На квартире Ляпин предложил Джигиту подкрепиться, но, горя нетерпением явиться в штаб дивизии с докладом и затем в свой полк, последний отказался.

В штабе дивизии были все удивлены и рады видеть того, кого считали погибшим.

Сделав подробный доклад начальнику штаба о всем виденном, слышанном и пережитом в плену у красных, Джигит попросил скорее вернуть его в полк.

Полковая семья тепло и радостно встретила воскресшего Джигита. Полковой доктор осмотрел его и сказал:

— Тебе надо эвакуироваться в тыл на лечение — у тебя тиф.

— Какой там тиф, — сказал полковой ад'ютант, — дай ему коньяку и всякий тиф пройдет.

От теплого приема и выпитого коньяку Джигит почувствовал себя усталым, но душевно счастливым.

— Слушай, Джигит, — говорил ему ад'ютант, — мы в 4 часа выступаем дальше, твой чемодан с вещами, что возился в обоз, не вскрыт еще, все не было времени назначить комиссию, завтра утром прибудет сюда обоз с хорунжим Никитиным, твоим любимцем; я ему оставлю распоряжение командира полка позабиться о тебе и отправить в тыл...

Незаметно для себя, Джигит заснул. Видя, что Джигит заснул, ад'ютант распорядился уложить его в кровать.

На другое утро, проснувшись, он увидел у кровати хорунжего Никитина.

— Митя, здравствуй.

— Здравсуйте, господин сотник. Вот не ожидал вас видеть уже, — отвечал хорунжий, обнимая Джигита. Тут вот ваш чемодан, прикажете открыть и достать, может быть вам что-нибудь надо.

— Да, брат, достань мне белье...

— Хорошо. Я получил распоряжение отправить вас в тыл. Был уже у коменданта станицы: в 4 часа будет поезд на Армавир и для вас и для казака будет отдельный товарный вагон, в нем уже устроена кровать и до самого Армавира доедете без пересадок. С вами поедет ваш станичник Мурзин, я сам вас устрою и провожу до станицы, а потом уже буду догонять полк.

— Спасибо, Митя.

Бодрость вернулась к Джигиту и весь день в теплой дружеской беседе с соратником, с которым его связывали общие опасности в боях с красными.

Простившись с хорунжим, Джигит прилег на кровать в поезде, где его устроил хорунжий.

Поезд тронулся. Движение поезда укачало Джигита и он уснул. Ночью у него начался бред. Временами он приходил в себя и просил пить; станичник, сопровождавший его, на каждой станице, где было возможно, доставал молока и запасался им на дорогу.

В Армавире станичник перенес Джигита и устроил его в станционном зале на диване. Казак тяжело двигался и плохо держался на ногах. Видимо, и он заболел. Примостившись на стуле около Джигита, он тоже впадал в глубокий сон. Пришедши в себя, Джигит увидел недалеко проходящего знакомого офицера и попросил его подойти к дивану, объяснив, что благодаря болезни, ему трудно погрузиться в поезд, отходящий в Майкоп, поэтому он и просит его сходить к коменданту станции, чтобы тот помог ему и казаку сесть в поезд. Офицер отправился к коменданту и просьба Джигита была исполнена. С помощью солдат, посланных комендантом, больных Джигита с казак погрузили в вагон. На станции Майкоп Джигиту помогли знакомые сестра на извозчика и указали адрес куда везти. Сделав большое усилие, чтобы взобраться на линейку, Джигит и казак впали в забытье. Когда к Джигиту вернулось сознание, он увидел себя на мягкой постели, у изголовья его сидела жена брата; за полуоткрытой дверью слышались голоса, движение. Глаза Джигита смотрели неподвижно на утомленное лицо невестки, как-бы стараясь что-то вспомнить и что то сказать. Невестка склонилась над ним, спрашивая с тревогой:

— Узнаешь-ли ты меня?

— Конечно, Паша, узнаю, но только не помню, как попал сюда. Красные... война... плен... тюрьма... хорунжий Никитин... станичник Мурзин.

— Что, ты? — сказала с тревогой невестка, я никакого хорунжего не знаю, а станичник Мурзин лежит сейчас в лазарете, его лечит тот-же доктор, что приходит лечить и тебя на квартиру, у него тоже тиф. Слава Богу, что ты перенес кризис; восемь дней ты бредил и не узнавал никого. На другой день, как тебя и казака привезли сюда, из станицы приехали мама и Маша, но ты никого не узнавал. Маша уехала домой смотреть за хозяйством, а мама живет сейчас здесь и ждет, когда ты придешь в сознание. Бедная мама, она много пережила за это время... Один пленный казак, что сидел с тобой в подвале в Пятигорске, вернувшись из плена, проезжая к себе в станицу, заходил к Маше и рассказывал, как тебя мучили и приговорили к расстрелу. Мама каждый день служила панихиду по тебе.

Едва заметная улыбка пробежала по лицу Джигита.

— Да, Паша, странно, что я еще живой, я и сам этому не верю.

— Ну, довольно, — прервала Паша, — доктор приказал не утомлять тебя, когда ты проснешься.

— Нет, Паша, — прервал Джигит, — скажи маме, что я хочу ее видеть.

Невестка вышла за дверь. Голоса смолкли. Через минуту дверь открылась и мать Джигита со слезами радости склонилась над ним, нежно лаская его волосы.

— Ну, мама, не плачь, я хорошо себя чувствую и скоро поправлюсь.

— Та то я плачу, що бачу тебе живим і що ти пізнав мене.

Невестка вошла снова в комнату и напомнила, что доктор запретил утомлять больного...

Организм Джигита упорно боролся с болезнью. Молодые силы, жажда жизни, хороший уход и питание сделали свое дело и Джигит скоро стал выходить из комнаты. Пробудившись от зимней спячки природы, казалось, тоже влила новые силы в Джигита. Станичник Мурзин уже выздоровел и работал в поле, ожидая выздоровления Джигита, чтобы вместе ехать на фронт.

Оправившись после болезни настолько, что мог ходить сам, Джигит получил от комиссии врачей госпиталь месячный отпуск на восстановление и укрепление своего здоровья дома, с предупреждением быть через месяц на комиссии врачей при управлении отдела, причем врач, лечивший Джигита, сказал ему, что вероятно комиссия продолжит ему лечение дома еще на месяц, так как трудно ожидать полного восстановления физических сил после такого истощения и продолжительной болезни.

Получив этот отпуск, Джигит уехал в станицу и только изредка приезжал в Майкоп к брату. Все милое, родное, что связывало его с жизнью, было в станице: старушка мать, сестра, родной дом и, наконец, дорогие могилы тех, которые так крепко связывали его с недавним счастливым прошлым, разрушенным пришедшими с севера варварами.

(Продолжение следует).

Не самостийники о ВК и о выборах Походного Атамана

Кубанская казачья имени Кошевого Атамана Сидора Билого станица (в Белграде) издает ежемесячный журнал «Наша Станица». Журнал этот носит характер информационный и аполитичный (не политически). Последнее — вряд ли правильно, т. к. политика есть сейчас в каждом казачьем издании. В данном случае политика тоже есть, только не одна, а столько почти, сколько есть авторов. В этом — слабость этого издания. К плюсам его следует отнести стремление к терпимости и заметную «чистоплотность» редакции. — Вышло уже 6 номеров.

Из помещенного уже материала следует отметить статью ген. П. И. Кокунько — «Думы старого казака», к которой мы еще вернемся, когда она будет закончена печатанием. Сейчас же остановимся на статье Л. В. Зверева — «Выборы вождей», главным образом для того, чтобы познакомить наших читателей с тем, как отнеслись к выборам Походного Атамана ВК те казаки, что стоят сейчас между вольными казаками и казаками — неделимцами безоговорочными.

Статья Л. В. Зверева (б. министр «Южно-русского Правительства» ген. Деникина) помещена в 5 и 6 номерах «Нашей Станицы», из которой мы приведем интересующие нас части целиком, снабдив их только самыми необходимыми комментариями.

В 5 номере «Н. С.» (июль 1935) уважаемый автор статьи «Выборы вождей» пишет:

«Июнь месяц ознаменовался в казачьей жизни двумя событиями, о которых нельзя умолчать в ка-

зачьей печати: 1. Монархически настроенная казачья группировка (Белградская казачья станица) провозгласила для Казачества Вождя (Думаем, что для подавляющего числа казачьей эмиграции известие это явится совершенной новостью) и 2. вольные казаки выбрали Походного Атамана (по существу тоже Вождя). У обоих флангов почти одновременно, таким образом, явилось стремление заменить Войсковых Атаманов своих новым возглавлением. Кто еще не верит, или сомневается в том, что Казачество живет своей особой жизнью, должен теперь уверовать, что за рубежом имеются среди Казачества самостоятельные политические настроения и политические действия...

Попытка провозглашения правыми Вождем Казачества была обречена с самого начала на неудачу, даже если бы ген. П. Н. Краснов, при всей своей популярности, и согласился принять это звание...

Несколько иначе обстоит дело с выборами Походного Атамана. Хотя вольные казаки и выбирали для себя и этим, видимо, закончили свою организационную работу, но эти выборы имеют значение и для остальных. Для казачьей жизни выборы вольными казаками своего Походного Атамана — событие, имеющее большое значение. Казачья история знает примеры, когда часть казаков имела свое отдельное возглавление. Но это было в двух случаях: или когда шли в поход, или же когда часть Казачества уходила для жизни на новые места. Вольные казаки дали нечто новое. Они избрали себе главу для достижения

своих политических устремлений и таким образом званию Походного Атамана придали другое содержание, чем это было раньше»...

В следующем, 6 номере «Н. С.» (август 1935) автор хочет разобраться в том, что можно ожидать в будущем после выборов Походного Атамана.

«Для многих, говорит он, всегда было понятно, что к вольноказачьему движению нельзя относиться слегка или свысока, как к чему то случайному, наносному. Было понятно, что ни гневом, ни раздражением остановить этого движения нельзя как нельзя было переносить центр тяжести на лиц. Хороши-ли, плохи-ли лица, нравятся они или нет, — не в этом состояла сущность. Получают-ли они денежную помощь или нет... не это было главным. Лица, денежная помощь — все это только отвлекало от рассмотрения сущности. Только сохраняя полное спокойствие и отделяя мелочь от главного, возможно сделать правильную оценку, а следовательно и установить правильное отношение к происходящему.

Вольно — казачье движение несомненно идейное движение и, как таковое, имеет два основных положения — национализм и политические устремления.

На каждом казачьем собрании, где выступали вольные казаки, когда они говорили исключительно о своем первом положении, национальном, можно было наблюдать, что они обычно встречали у большинства и полное понимание, и полное сочувствие. Они завоевывали к себе симпатии, к своему движению. И это совершенно понятно. Мы живем вообще во время подъема национального чувства. Казачеству свой национализм был всегда вообще свойственен. Казачество всегда было национальным. Теперь, когда национализм был выдвинут самую жизнь на первое место в противовес интернационализму, проводимому социалистами и коммунистами, начала национализма как бы стали носиться в воздухе, проникать всюду, как флюиды. Национализм стал делать успехи почти везде в Европе. Могло ли остаться Казачество в стороне? Конечно, нет, т. к. ему был раньше свойственен национализм. Конечно, в такое время и у Казачества национальное устремление должно было увеличиться. Вольно-казачье движение возникло и само из национализма, укрепляло свои позиции и свой первоначальный успех благодаря также национализму. Сохраняя беспристрастие, нужно отметить, что вольно-казачье движение, ведя свою работу, пробудило в широких казачьих массах национализм и способствовало его развитию. То, что тлело, разгорелось пламенем. Признавая со своей стороны вообще за национализмом большое значение, считая его положительным, здоровым началом, нужно, будучи совершенно объективным, отметить, что в этом — заслуга вольно-казачьего движения и, как таковая она войдет в казачью историю.

Теперь казачий национализм уже достояние большинства. Редкие казачьи группировки, организации и отдельные казаки не проникнуты национализмом. Показательно, что даже крайний правый казачий фланг если не воспринял казачий национализм по существу, то старается казаться таковым. Национализм есть уже не исключительная принадлежность вольно-казачьего движения...

Бороться с казачьим национализмом вредно и бесполезно. Задача теперь — не допускать, чтобы национализм этот принял уродливые формы, а оставался всегда здоровым... Задержать развитие национализма нет возможности так же, как нельзя внести что-нибудь новое. Следовательно, с этой стороны новое возглавление вольно — казачьего движения в будущем ничего нового внести по существу не может, также как и дать какие либо перемены.

Остановимся, продолжает автор, на другой стороне — политической: своя государственная независимость с резким отмежеванием в настоящем и в будущем от России. Здесь не все так просто и определено. В этой области должен работать, главным образом, разум. Политическая сторона выдвигается для спасения Казачества. Конечно, когда наша Родина находится во власти, скажем просто, негодяев, когда

она гибнет, — могут возникать разные проекты спасения, ибо никто не может сказать, будучи добросовестным, когда и каким путем придет ее освобождение. Все до сих пор неопределенно, а иногда кажется, что время работает против нас. И ни один проект не должен вызывать у нас раздражения. Они могут одним нравиться, другим быть неприемлемыми. Допустите (обращается автор к читателям своего журнала) хотя на одно мгновение, что какая либо часть России вдруг освободилась бы от коммунистов и зажила бы своею жизнью — разве не будет у всех, действительно любящих Родину, яркой радости и не появятся новые надежды, не появится подъем. Только весьма ограниченные доктринеры и жестокие люди по своей натуре могут говорить в этом случае: пусть вся Россия освободится, или же пусть вся страдает, гибнет. Ведь по существу, политическая сторона в вольно-казачьем движении — один из проектов спасения Казачества.

Не входим по существу в обсуждение и критику политической стороны вольно-казачьего движения. Об этом достаточно писалось и говорилось. В данной статье — интересно другое: как относится казачья среда к этой стороне вольно-казачьего движения и что может быть в будущем в связи с выборами Походного Атамана.

Когда на казачьих собраниях вольные казаки выступали исключительно со своими политическими положениями, они далеко не всегда вызывали полное понимание, часто слышали возражение и не было полного сочувствия (Нам кажется, что автор говорит в данном случае о Белграде. Ред.). Конечно, имелись сторонники, которые целиком присоединялись, но имелись и противники, которые или принципиально возражали и отвергали политическую сторону вольно-казачьего движения, или же, частично соглашаясь, все же указывали, что длительное пребывание Казачества в составе России создало определенные прочные и глубокие связи, которые не так легко рвать. Высказывалась известная осторожность, известное понимание, что в политике не все зависит от нашей воли, от нашего желания, от наших дел. Затем высказывались и обывательские рассуждения — не способствуют принятию политической идеологии вольноказачьего движения и эмигрантские условия жизни во многих странах. Вольноказачье движение требует жертвенности, веры, энтузиазма, т. е. качеств, которыми может обладать далеко не всякий. Где (требуется) жертвенность, там всегда наблюдается отбор людей. Политический путь вольных казаков дает в настоящем не розы, а тернии. Понятно, что при таких условиях не может не быть у большинства по меньшей мере осторожного отношения к этой стороне вольно-казачьего движения. Осторожность — черта, вообще присущая Казачеству.

Конечно, от выборов Походного Атамана ничто не может измениться ни в обстановке, ни в существе и с этой стороны новое возглавление ничего нового дать не может. Пойдет все постарому. К вольноказачьему движению будут примыкать отдельные лица, верящие, что только одним этим путем действительно можно спасти Казачество. Большинство (думает автор) сохранит осторожность и выжидательное положение. Будут отдельные казаки то примыкать, то уходить с соответствующими заявлениями или в «ВК» или в других органах о том, что примкнули, или в «Кавказском Казаче» или в других журналах о том, что ушли.

Самое лучшее решение: пусть каждый идет своей выбранной им дорогой. И не следует считать врагом тех, кто не верит правильности вашей дороги. Если дорога ваша неправильная — придете в тупик; если она правильная — никто не сможет помешать дойти до цели, а когда будете подходить, будет близка цель — найдется много попутчиков. Будущее даст ответ, кто был прав в выборе пути.

Если национальная сторона — стихийна, то в политике (полагает автор) много зависит от линии поведения, от тактики... Теперь тактика у вольных казаков зависит исключительно от директив Вождя. Та-

кова неизменная форма всех движений, возглавляемых несменяемыми Вождями. А между тем Вождь не может не требовать большей жертвенности, большей определенности, большей активности даже из одного только сознания своей ответственности. Нужно поэтому ожидать, что вольноказачье движение усилит свою активность, свою непримиримость и, вместе с тем, более замкнется в своей среде. В результате, оставаясь по существу тем же, известным уже всем, движение примет более заостренную форму, большую обособленность, а это поведет к большему обострению внутри Казачества, вызовет большее взаимное отталкивание и большее взаимное непонимание у казаков. Таково наше мнение, подчеркивает автор.

Остается еще одна сторона, заканчивает г. Зверев. У Вождя обычно развязаны руки в части, касающейся внешних сношений, всякого рода обещаний, договоров. Ведя большую политическую работу, это неизбежно. Контроля нет, как и нет гласности. Нельзя предугадать, в каком направлении пойдет эта часть работы. В условиях жизни за рубежом — остановить ее нельзя. Раз изменить ничего нельзя, остается пожелать, чтобы в этом отношении соблюдалась та осторожность, которая обычно требуется от партийных группировок».

— Мы намеренно, почти целиком привели выше статью г. Зверева из «Н. С.», чтобы показать вольным казакам, как о национальном казачье-освободительном движении начинают говорить не самостийники. Если принять во внимание именно это последнее обстоятельство, то быть недовольным статьей Л. В. Зверева у нас нет оснований, несмотря на то, что не можем подписаться под всем, им сказанным. Не можем также не отметить, что это чуть ли не первый раз, когда казаки не самостийники говорят о ВК не только без злости и раздражения, не только хотят быть объективными (поскольку могут, конечно), но, «оставляя нам нашу задачу, сами занимают по отношению к ней позицию благожелательного нейтралитета — по крайней мере. — Очевидно, что казачья национальная стихия — сильная стихия...»

Не можем, конечно, запретить кому-либо понимать ВК движение, его программу и его цели, по своему. И не для того, чтобы вступить в спор с автором статьи «Выборы вождей», пишем мы эти строки. Некоторые вопросы решает только время. Мы, напр., считаем, что совсем не исключена возможность, что и сам уважаемый автор сделает надлежащее — и до конца — выводы из казачьего национализма. — Сейчас же он их еще не делает или не хочет делать. Если не делает, то сам он пока националист — «начинающий»... Нам не хотелось бы делать предположение, что автор не хочет делать логических выводов, или что он делает уступку в вопросе национальном, чтобы получить уступку в части политической.

Не столько для полемики, сколько для того, чтобы подчеркнуть свою точку зрения, мы должны сказать, что настоящий национализм требует надлежащих и всех политических выводов. По нашему, нельзя признавать национализм и отказывать ему в тех условиях, в которых он только и может жить полной жизнью. Настоящий, безоговорочный национализм требует для своей нации и своего собственного, самостоятельного государства.

Признавать казачий национализм и не признавать политически государственной программы ВК, это значит — остановиться на полпути (а дальше что делать: стоять на месте или идти до конца? или, может быть, вернуться назад?).

Конечно, одна из основных политических задач ВК программы настоящего времени — спасение Казачества. Но кажется, что мы понимаем эту спасение несколько шире, чем уважаемый автор статьи «Выбо-

ры вождей». Спасение Казачества (в узком смысле) — задача только данного момента. А вечный казачий национализм диктует Казачеству и вечную политическую задачу — национальную жизнь в своем государстве. Наша задача не временная, а постоянная. Спасение Казачества — только первый ее этап.

Поэтому и наша политическая программа (что касается цели) — не проект только, а совершенно серьезное намерение.

Смеем также уверить уважаемого автора, что и у нас работает разум, и мы не строим своего дела только на одних чувствах.

Как относится казачья среда к политическим устремлениям ВК? — По разному (здесь мы не расходимся с автором). — Тем положительнее, чем больше пробуждено у нее казачье национальное чувство. Чем больше казак проникается своим национальным сознанием, тем рьянее он защищает и политические устремления ВК.

Мы, с своей стороны, не отрицаем, что некоторые связи не легко рвать. Мы только говорим, что рвать их нужно (там, где они есть), что эту операцию один раз пережить нужно, чтобы казачий организм зажил, наконец, здоровой своей национальной жизнью.

Правильно, что в политике не все зависит от нашей воли, от нашего желания... Но — наша воля и наши желания во всех наших делах должны быть для нас всегда на первом месте, должны всегда нами руководить, всегда нам диктовать. Им, и только им, должны мы подчинять все наше политическое поведение. Для нас, казаков, на первом месте — наш интерес. В данном случае мы ставим и добиваемся только равенства со всеми другими народами — не больше...

— Нам кажется, далее, что усиление активности и даже усиление непримиримости по отношению к своим противникам не всегда ведет к замыканию в своей среде. Точно также, как не всегда, по нашему, более заостренные формы и большая обособленность так уж зависят от той или иной формы возглавления движения.

Не знаем, не можем наперед сказать, действительно ли активность и более заостренные формы поведут «к большему обострению внутри Казачества». вызовут «большее взаимное отталкивание и большее взаимное непонимание у казаков». Но мы позволим себе поставить следующий вопрос ребром:

Ясно, что достичь полного понимания среди казаков, не вызывая никакого взаимного отталкивания и не вести ни к какому обострению отношений в казачьей среде можно, в теперешних политических условиях и при той ситуации, в какой находится сейчас Казачество, только фактически ничего не делая (т. к. только в этом случае можно было бы избежать постановки спорных вопросов).

Представим себе, что такое «бездейственное» состояние достигнуто. — Но главное, суть дела, ведь, не в этом. Суть нашего дела в том, чтобы выиграть Казачье Дело для настоящего и для всего будущего.

— И если бездейственное согласие позволяет только пассивное созерцание происходящего, а активизм и определенность могут принести успех и выигрыш, то сейчас можно идти и на несогласия, и на обострение отношений внутри казачьей эмиграции. Ибо, в конечном счете, они приведут Казачество в один лагерь — и к согласию, и к добрым отношениям (это последнее возможно только после выигрыша Казачьего Дела, хотя согласие и добрые отношения в казачьей среде больше были бы нужны для выигрыша...).

Что касается заключительного пожелания автора о соблюдении «осторожности», то и он, и другие казаки могут быть совершенно спокойными за интересы Казачества: ВК их не уступит никому.

Всех вольных казаков поздравляем с праздником Покрова Пресвятыя Богородицы

Казачья эмиграция

В. К. в Югославии

23 августа с. г., в 9 ч. вечера, в Белград прибыл Походный Атаман ВК **И. А. Билый**, встреченный на вокзале Окружным Атаманом **П. С. Поляковым** и представителем журнала **Н. М. Дмитренко**.

Извещение о времени приезда Атамана было получено только за день до его прибытия, причем число дней пребывания в Югославии не сообщалось. Поэтому, предполагая, что **П. А.** задержится в Белграде весьма недолго, а также принимая во внимание невозможность своевременного приезда атаманов или представителей отдаленных от центра Округа организаций, Окружное Правление срочно вызвало в Белград атаманов только ближайших к Белграду вольно-казачьих организаций.

27 августа, в 10 ч. утра, состоялась первая встреча **П. Атамана** с членами Окружного Правления.

В тот же день, с 12 ч. дня, Атаман имел собеседование с членами Окружного Правления и прибывшими в Белград атаманами и представителями ВК организаций. На собеседовании этом **П. Атаман** ответил одновременно и на ряд вопросов, предложенных ему.

В 3 ч. дня, в присутствии всех участников заседания, Окружной Атаман **П. С. Поляков**, от имени Округа, преподнес Походному Атаману булаву с надписью на серебрянной металлической ленте, обвивающей ручку: «Походному Атаману Вольного Казачества инж. Игнату Архиповичу Билому от Вольно-Казачьего Округа в Королевстве Югославии в день Св. Пасхи 1935 года».

Весьма тронутый вниманием вольных казаков Югославянского Округа, **П. Атаман** сердечно поблагодарил всех присутствовавших и, в лице Окружного Атамана, всех отсутствовавших, пообещав вернуть полученную им булаву вольным казакам в освобожденной Казакции.

Здесь же, председательница Союза вольных казачек имени Галины Булавиной **К. А. Мерзликина** передала Походному Атаману национальное шелковое знамя с изображением вышитого с обеих сторон государственного герба Казакции (работа **К. А. Мерзликиной** и **И. Д. Резниковой**).

Принимая прекрасно сделанное знамя, **П. Атаман** тепло благодарит председательницу Союза в. казачек и, в ее лице, всех вольных казачек в Югославии, обещая хранить его всегда при себе...

После этого состоялся общий обед, на котором наш славный казачий бандурист **А. П. Черный** спел под бандуру несколько старых казачьих песен.

Вечером того же дня **П. Атаман** имел специальное заседание с Окружным Правлением.

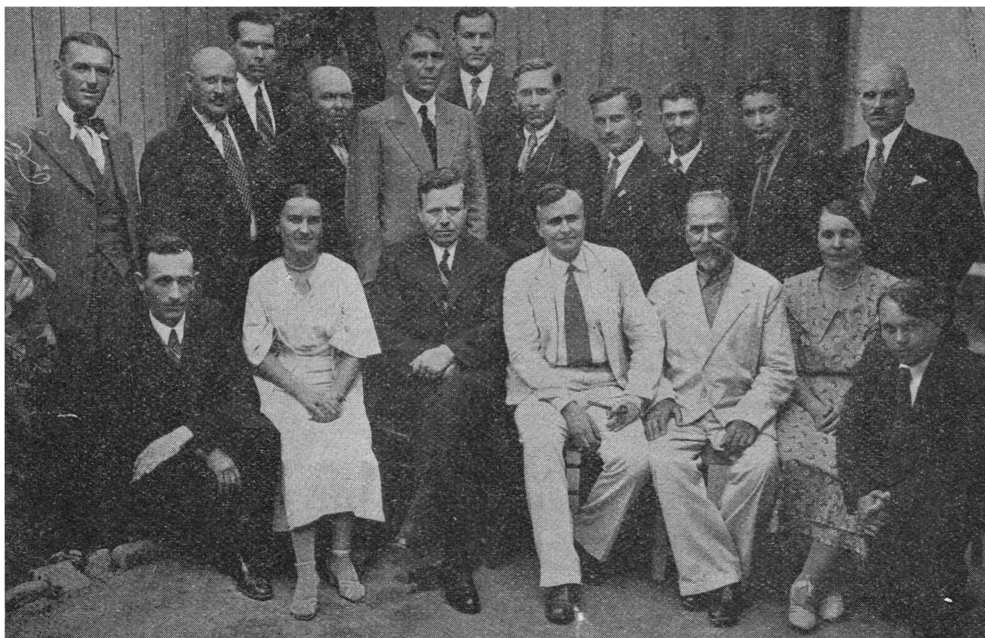
28 августа **П. Атаман** имел длительную беседу с Окружным Атаманом.

В 4 ч. 30 м. дня, в присутствии казаков Белградской имени **М. Ф. Фролова** станицы и членов Окружного Правления, Походный Атаман возложил букет цветов на могилу певца Казачьей Воли — **Б. А. Кундрисцова**. У могилы поэта Атаман и все присутствовавшие опустили на колени и двухминутным молчанием почтили память покойного.

Затем состоялось собеседование со всеми присутствовавшими там в. казакками. И здесь **П. Атаману** пришлось ответить на ряд «животрепещущих» вопросов, заданных ему станичниками..

В тот же вечер Походный Атаман выехал из Белграда.

Уезжая, Атаман просил передать всем вольным казакам нашего Округа привет и выразил уверенность, что недалеко уже то время, когда все мы встретимся вместе и на деле докажем преданность ВК программе, ибо обстановка, складывающаяся сейчас в Европе, позволяет нам надеяться, что, среди других, и Казачий Вопрос станет на очередь дня, а от нас са-

Сидят (слева направо): предст. журн. и казначей Округа **Н. М. Дмитренко**; Председат. Союза в. к. **К. А. Мерзликина**; **П. Атаман** инж. **И. А. Билый**; Окр. Атаман **П. С. Поляков**; ат. Чуругского ВК хутора **К. Я. Титов**; **Т. М. Дмитренко** и член Окр. Правления **П. М. Мерзликин**. Стоят: член Окр. Пр. **Н. А. Гнелозуб**; ат. ВК ст. в Кральево **Е. Кривед**; в. к. **Г. Козлов** (Белград); член Окр. Пр. **Кошкодаев**; ат. Новосадской им. Ат. **З. Чепиги** ст. полк. **П. И. Недбаевский**; пом. Окр. Ат. **Н. Ф. Букин**; ат. Смедеревской ВК ст. **И. Сурмач**; ат. Крагуевацкой ВК ст. **Билоус**; в. к. **П. Тимошек** (Белград); член Окр. Пр. **М. Морозов** и бандурист **А. П. Черный**.

Еольноказачий хутор
имени Н. С. Рябово-
ла на руднике Бор в
Югославии.
6-IX-1935

мих будет зависеть, чтобы он стал так, как этого требуют интересы Казачества, и был решен так, как того хотим мы. — Атаман особенно подчеркнул, что очень скоро, может быть, от всех вольных казаков потребуются служба своему Делу и на словах и на деле, когда слово и дело должны будут стать нераздельными. До сего времени мы готовились. Сейчас эту подготовку нужно будет вести особенно усиленно, т. к. никто не может сказать, когда придет наш день, но не подлежит никакому сомнению, что придет он может скоро...

(Соб. кор.)

В. К. в Австралии

ПОХОДНОМУ АТАМАНУ ЕВРОПЕЙСКИХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК.

Глубскоуважаемый Игнатий Архипович!

Свободным волеизъявлением Кругов и Съездов ВК на Вас возложена трудная, но историческая задача осуществления свободного казачьего государства.

В горниле прошлого Казачество имеет достаточно горьких опытов — да послужат же эти опыты нам хорошим уроком в предстоящей борьбе за полную независимость Казачества.

В Вашей преданности казачьему делу сомнений быть не может.

Разрешите мне, Игнатий Архипович, высказать и свое скромное мнение о средствах и методах нашей борьбы и о шансах на успех.

В прошлом (1917-1920 годы) Казачество вело борьбу с москвичами развернутым фронтом с криком ура! Отбили или отступили и — опять ура! Этот метод борьбы, только одно ура, стоил Казачеству почти 50% убитыми и ранеными (только взрослого мужского населения). Но если бы Казачество полегло костями и на все 100%, то, все равно, борьбы оно выигрывать тогда не могло бы, ибо мы воевали не с латышами, китайцами или кучкой коммунистов, а с самым настоящим русским народом, численностью в 100 миллионов.

В германскую войну русские солдаты убегали с фронта. К моменту революции 17 года дезертиров числилось 1 миллион 200 тысяч. В борьбе 1917-20 г.г. они шли в ряды красной армии добровольно.

Советская власть признана была русским народом, как власть законная. Ни в одном месте, кроме Казачьих Земель, серьезного сопротивления ей оказано не было. Даже на призыв к офицерам в декабре 17 года в г. Ростове двух верховных главнокомандующих — Корнилова и Алексева — откликнулось только 300 человек, а между тем, только в одном Ростове находилось тогда 16 тыс. офицеров. (Справка: «Поход Корнилова» Суворин).

И вот с этим колосом Казачество два с половиной года дралось только с одним ура. Теперь вспоминать прошлое не только страшно, но, даже, как то стыдно за самих себя.

Ведь рядом с нами воевали — Латвия, Эстония, Литва, но у них, кроме ура, была **политика**, и они еще в сентябре 1919 года добились признания самостоятельности. Это признание Советы предлагали и Казачеству, но Богаевские, Филимоновы и др... предпочли идти на Москву.

Ныне Казачество поставило во главе своей борьбы Вас, Игнатий Архипович, в надежде, что Вы оправдаете казачье доверие. Успех наш теперь не только в развернутой лаке с криком ура, а и в умении вести политику, воспользоваться международной ситуацией, а главное — найти союзников. Никаких обязательств не страшиться. Смелей стучитесь в ворота европейских столиц. Говорите от имени всего Казачества и верьте, что вся рядовая масса с надеждой и упованием смотрит на Вас.

Вы являетесь последним лучем надежды на спасение Казачества. Казачьи Зершиковы — Богаевские и Науменки будут забыты историей. Борцы за освобождение Казачества будут воспеты казачьей историей и народом.

Желаю здравствовать Вам многие годы. Да пошлет Господь Бог Вам сил и умения довести до конца наше общее, на благо Казачества, дело.

Да здравствует первый Походный Атаман ВК!

Иван Комаров

1 сентября 1935 г. Австралия.

БРАТЬЯ КАЗАКИ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, ЧТО ТАК НАЗ. «ВОЙСКОВОЙ ПРАЗДНИК» 18 ОКТЯБРЯ (5 ОКТЯБРЯ ПО СТ. СТИЛЮ) НЕ ЕСТЬ ПРАЗДНИК КАЗАЧИИ. В ПРОШЛОМ ЭТО БЫЛ ПРАЗДНИК РУССКОЙ ПОЛИЦИИ И ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ПОКОЙНОГО ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ.
КАЗАЧЬИ ПАТРИОТЫ НЕ МОГУТ ПРАЗДНОВАТЬ ЭТОГО ДНЯ.

Как действуют „опозиционеры“

Снова Хлестаковщина.

Что господа «опозиционеры» не отличаются скромностью, мы об этом уже, при случае, писали. Сейчас можем привести один документ, лишний раз подтверждающий это наше утверждение. В нашем распоряжении фотография «агитационного» письма, посланного одним из «опозиционеров» из самого их «центра» атаману ВК хутора в Новом Книне (в Чехословакии) станичнику Милькину. Письмо это гласит:

«6-IV-1935. Уважаемый станичник Милькин!

Открытку получили и послали для Вас всех бюлетень, из которого Вы наверное обратили внимание, что с нами 4 округа. Французский и Югославский округа тоже склоняются на нашу сторону. Некий господин Голицын, говорят, что он кубанский иногородний, хочет проехаться в Париж к своему хлебодарцу Гнату Билому, а потому для видимости хочет получить хотя бы Ваши голоса, как делегат от Чехословакии. Он тоже обратился и к Страконицким, но те его послали к черту, т. к. они тоже присоединились к нам. К Вам я обращаюсь, как к своему станичнику, с просьбой не влипать в это грязное дело потому, чтобы после не подняли Вас казаки насмех. Ведь если бы Вы дали тому глупцу свои голоса, то он бы представлял Чехословацкий округ всего от пя-

ти человек и для Вас это был бы страшный конфуз.

Хотел бы с Вами, как со станичником, поговорить подробнее обо всем, но подожду ответа на это письмо и потом напишу нужное и подробное.

Пока желаю здоровья и благополучия и надеюсь, что уже официально перейдете в подчинение Центрального Правления Вольного Казачества в Братиславе.

В мае будет уже наш вольноказачий съезд, но от всех ВК округов Европы и других частей света.

Ваш станичник С. Л. Тыщенко
бывший член Кубанской Рады».

Мы думаем, что читатели и сами надлежащим образом оценят и содержание и стиль этого письма. Мы же хотим обратить внимание вольных казаков только на подпись. Подписано оно — «С. Л. Тыщенко, бывший член Кубанской Рады». — Дело в том, что С. Л. Тыщенко (Степан Лукьянович Тыщенко), теперешний ярый оппозиционер, никогда членом Кубанской Рады не был. Членом Рады был действительно казак ст. Вознесенской Тыщенко, но того зовут Иосиф Алексеевич.

Конечно, «Член Рады Тыщенко» звучит громче, чем просто «господин Тыщенко», но настоящие члены Рады присвоенным им не принадлежащего не занимались.

Станичник Голицын, о котором речь идет в этом письме, — донской казак.

С. № 1935.

Уважаемый
станичник Милькин!

Открытку получили и послали для Вас всех бюлетень из которого Вы наверное обратили внимание, что с нами 4 округа. Французский и Югославский округа тоже склоняются на нашу сторону. Некий господин Голицын, говорят, что он кубанский иногородний, хочет проехаться в Париж к своему хлебодарцу Гнату Билому, а потому для видимости хочет получить хотя бы Ваши голоса, как делегат от Чехословакии. Он тоже обратился и к Страконицким, но те его послали к черту, т. к. они тоже присоединились к нам. К Вам я обращаюсь, как к своему станичнику с просьбой не влипать в это грязное дело потому, чтобы после не подняли Вас казаки насмех. Ведь если бы Вы дали тому глупцу свои голоса, то он бы представлял Чехословацкий округ всего от пяти человек и для Вас это был бы страшный конфуз.

Хотел бы с Вами, как со станичником, поговорить подробнее обо всем, но подожду ответа на это письмо и потом напишу нужное и подробно.

Пока желаю здоровья и благополучия и надеюсь, что уже официально перейдете в подчинение Центрального Правления Вольного Казачества в Братиславе.

В мае будет уже наш вольноказачий съезд, но от всех ВК округов Европы и других частей света.

Ваш станичник С. Л. Тыщенко
бывший член Кубанской Рады

Подлинное лицо Граббе

В Белградской русской еженедельной газете «Русский Голос», в номере 231 от 8 сентября с. г., напечатано следующее заявление гр. Граббе:

«Моя программа состоит в том, чтобы служить казачеству в единении с представителями казачьей общественности, по законам Войска и сберечь казаков на будущие лучшие времена, как воинов, способных сражаться за восстановление России».

В «Возрождении» 29 сентября (номер 3770) так описывается чествование гр. Граббе чинами РОВС и русской общественностью в Софии в Русском собрании: «С приветствием атаману от имени всех собравшихся выступил ген. Абрамов, отметивший роль РОВС и казачества в разрозненной эмиграции и призывавший к единению. От частей 1-го корпуса и галиполийцев и общества офицеров генерального штаба говорил ген. Зинкевич: «Нам дороги имена вож-

дей добровольчества — Алексеева, Корнилова, Маркова, Дроздовского, но для нас дороги также и вожды казачества — Каледин, Краснов, Богаевский, а сейчас мы счастливы приветствовать вновь избранного атамана. Ведь мы спаяны с казаками общей кровью обильно политой в борьбе за отстаивание наших общих русских интересов... — От объединения русских общественных организаций атамана приветствовал доктор Степанковский; от союза георгиевских кавалеров — ген. Черноглазов; от союза русских инва-

лидов — полк. Лефнер; от федерации союза трудящихся — Н. И. Плавинский; от русских соколов — полк. Свечников; от союза ветеранов войны 1877-78 г.г. — ген. Никольский, и др. — В своем ответном на многочисленные приветствия слове, произнесенном с большим подъемом, Донской атаман говорил о путях освобождения нашей великой родины и о той роли, которую сыграло казачество в тяжкие годы смутного времени...

Выбран ли Граббе Донским Атаманом?

Этот вопрос мы поставили уже в № 180-181 нашего журнала и там же ответили: нет, не выбран.

В прошлом номере мы, в заметке «Подлинное лицо Граббе», писали: «Что он (Граббе) очень хотел быть Атаманом, это всем очевидно. Что он не избран, хотя и «провозглашен», это тоже очевидно. Но, что и сам подсчет голосов, поданных за него, производился слишком для него «благосклонно», это будет очевидно, кажется, только в недалеком будущем».

Это последнее наше утверждение мы можем подкрепить ныне одним документом. Документ этот — имеющийся в нашем распоряжении дубликат письма проф. С. Г. Сватикова (с печатью: Центральной комиссии в Югославии по выборам Донского Атамана. Белград), которое мы и приводим ниже целиком:

«Париж, 18-го июля 1935 г.

Соединенному Присутствию Главной Избирательной и Контрольной Комиссий по выборам Дон. Атамана — члена Контрольной Комиссии от Пражской Центральной Комиссии С. Г. Сватикова

Заявление.

С 28 июня по 12 с. июля я принимал посильное участие в соединенных заседаниях Главн. Избирательной и Контрольной Комиссий по проверке выборных производств. В настоящий момент, когда Вы отвергли телеграфную просьбу Пражской Комиссии, а ранее (12-го-VII) мою лично и 4-х других членов о передаче на ревизию в Белградскую Центральную Комиссию всего производства т. наз. «Кутыринской» организации, я вижу себя вынужденным заявить Вам, Белградской Центральной Комиссии (ген. Рудакова), Пражской Ц. К. и всем казакам, что я не могу принять на себя ответственность за это Ваше противозаконное, оскорбительное для Вами же назначенной Белградской Центр. Комиссии и вредное для казачьего единства решение. Неправосудие Ваше в данном случае так велико, что я выхожу из состава Контрольной Комиссии.

Неправосудие Ваше усматриваю я в нижеследующем:

1. Параллельно с назначением Вами Ц. Комиссий по Югославии (предс. ген. Рудаков, секр. — Дувакин) некий полк. Кутырин (не казак — прим. ред.) без Вашего разрешения создал свою собственную центральную комиссию со всеми ее атрибутами (особый предс. ген. Татаркин, разделение г. Белграда на свои 2 участка и т. п.). Свои сепаратистские выборы г. Кутырин направил на Ваше утверждение непосредственно.

Ваш долг был отправить все эти бумаги ген. Рудакову, Вашему единственному законному представителю по Югославии, и его Комиссии на отзыв и утверждение. Вы этого не сделали.

2. Центр. Комиссия по Югославии через своего члена Контр. Комиссии при Главной Избирательной Комиссии г. Зенкова временно Вас осведомила обо всех действиях г. полк. Кутырина, указала на основательные сомнения, касавшиеся: а) числа членов станиц, пославших голоса полк. Кутырину; в) принадлежность голосовавших к Донскому Казачеству; с) правильность составления избирательных записок. Таким образом перед Вами были прямые поводы апелляционного характера, не считая поводов к полной отмене (кассации), изложенных в п. 1-ом, в

отношении (скажу кратко) «кутыринского производства». Минимальная осторожность обязывала Вас отказать оспариваемое и по существу производство на ревизию в местный Ваш собственный правомочный орган. Времени с 5-го июня по 12 июля для такой ревизии и возвращения в Париж с заключением Ц. Ком. по Югославии было весьма достаточно.

Рассмотревши избирательные записки «Кутыринских» выборов, я лично убедился, что десятки их писаны одной и той же рукой. Выходит, что одно и то же лицо заполнило 10-20 бюллетеней в Белграде и того же 26-го мая заполнило с десятков бюллетеней за 300 верст от Белграда в другом месте, да за 70 верст и в тот же день еще десятков в третьем месте. Кроме безграмотной транскрипции, есть и другие почерки, повторяющиеся в один день в разных местах. Мое впечатление от этих записок (я увидел их лишь 12 июля), что ревизия во всех подробностях этих записок в Белграде есть минимум проверки. Просмотр их судебным следователем, быть может, был бы даже уместнее. Очень прошу г. Председателя печатать эти желтые записки.

3. Я не участвовал в обсуждении Кутыринского производства (оно было до меня), но я с изумлением узнал из протоколов, что Вы допустили полк. Кутырина к даче объяснений по существу, назначили его (незаконно) в члены Контр. Комиссии и разрешили ему, назначить себе в заместители г. полк. Краснова. Более того, когда уезжавший из Парижа законный представитель от Югославии, г. Зенков, оставил Вам письменное заявление для прочтения перед голосованием, Главная Избират. Комиссия даже не заслушала этого заявления и оно оказалось лишь в приложении к протоколу. Все эти обстоятельства заставили меня еще 28 июня, при начале моей с Вами работы, оговорить свое право выразить мое мнение о производстве выборов по Югославии.

4. 12 июля я умолял Вас, как хранителей законности, на коих нет апелляции, разве что к общественному мнению, пересмотреть Ваше постановление и дать удовлетворение оскорбленной Вами незаслуженной Вашей же представительнице по Югославии — Ц. Комиссии (ген. Рудакова). К этому времени Вы уже имели в руках и мотивированную отставку сперва г. Зенкова, а затем и ген. Рудакова со всею его Комиссией. Я указывал, что голоса 2 главных кандидатов разделились почти поровну, что отказ в проверке по Кутыринскому делу будет истолкован, как боязнь проверки по существу, что это поставит в тяжелое положение гр. Граббе, коего власть будет теперь основана лишь на моральном признании, а не на царском приказе, и в интересах коего было бы, чтобы голоса, за него поданные, были бы всеми, даже его врагами, признаны правильными. Большинством 9 против 5 Вы отвергли мои доводы. Вы нарушили Вами же опубликованную «Инструкцию» в отношении целой страны расселения Казачества. Но подавление большинством голосов правды не есть еще победа над правдой. Делу объединения зарубежного Казачества Вы нанесли тяжкий удар. Последствия Вашего неправосудия будут тягостными для казаков в изгнании, и для казаков на родине, и для Атамана. За эти Ваши действия я ответственности нести не хочу... Поэтому — ухожу...

Сергей Сватиков.»

— Как видит читатель, подсчет голосов, поданных за гр. Граббе, производился больше, чем «благосклонно» в его пользу. И конечно же, без «Кутыринского производства» гр. Граббе не получил бы и тех 2373 голосов, которые ему насчитала Комиссия. В числе этих голосов, как это явствует из письма С. Г. Сватикова, есть голоса и не казахи, есть, возможно, и «мертвые души».

Что подсчет голосов, поданных за гр. Граббе, велся неправильно, свидетельствует не только письмо проф. Сватикова, но и тот факт, что расписаться под правильностью выборов гр. Граббе отказались и еще некоторые члены Комиссии. — Не исключена поэтому возможность, что в недалеком будущем появятся и более подробные на этот счет разъяснения от людей в этом деле более осведомленных.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЦА

ПЯТЬ РУБЛЕЙ, А НЕ КРЕСТ

Ох, братцы, и хорошую же взбучку получил я вчера от отца. И сегодня еще чешется вот это место. А все вышло из-за «своих людей». Так мы называем пару ворон, поселившихся в нашем саду на белолистке.

Когда они поселились у нас, я не помню, потому что мне всего семь лет. Они так привыкли к нам, что свободно разгуливают по двору, хотя в руки никому не даются; кормятся вместе с нашими курами и таскают куски из корыта у свиней. Иногда они таскают и маленьких цыплят, но не у нас и не у ближайших соседей, а где нибудь подальше. Нечего сказать, очень умные птицы, не даром они имеют большие головы, не то, что курица или несчастная индюшка. Когда выводятя у них маленькие воронята, они не бросают яичную скорлупу здесь же у гнезда, а уносят ее далеко. Дедушка говорит, что они делают это для того, чтобы вот такие проныры, как мы с вами, не догадались, что у них родились маленькие дети. Гнездо их старое-престарое, которое они подновляют каждую весну.

Давно меня соблазняло это гнездо, а вчера, услышав в нем писк молодых птенцов, я не утерпел и решил добраться до него. Но на мою беду, увидел меня отец, когда я долез до половины дерева. Заметив отца, я чуть не камнем свалился оттуда. Но одна беда не приходит. Может быть, я успел бы ударить во-время, но мои штаны зацепились за сук и я повис на дереве. Отец бережно снял меня с дерева и хворостина стала расписывать меня и вдоль и поперек, а я так кричал, что даже «свои люди» сперва взлетели вверх, а потом, усевшись на ветках, внимательно наблюдали, как я танцевал вокруг отца. Они кричали нам: «кар-кар!» Верно, они просили отца, чтобы он пустил меня, но дедушка уверяет, что они говорили: «Ученье — свет, а неученье — тьма. Лучше учи его, лучше. Вот так, вот так!» Скажите пожалуйста, хороший свет, когда на самом деле я света Божьего не взвидел!

Кончив учить, отец прозекзаменовал меня:

— Будешь лазить?

— Ой, не буду!

— Будешь помнить?

— Ой, ой, буду!

Найдя мои ответы удовлетворительными и хлестнув меня еще раз «набело», он приказал мне убираться из сада, что я, как посятливый ученик, исполнил моментально, не дожидаясь повторения.

Сегодня утром, я дедушка и мой старший брат Егор ездили в степь посмотреть хлеба. За станцией дедушка, несмотря на протесты Егора, передал мне возжи и разрешил править лошадьми. «Повод — право», командовал мною Егор, когда навстречу нам попадалась подвода. Хотя я правил, как заправский казак, но Егор, видно из зависти, говорил мне: «Эх ты, баба, не знаешь, куда право, куда лево. Смотри, вот сюда право, а сюда лево. Да не дергай, а попусти возжи. Тебе бы только на дереве висеть. А крепкие у тебя штаны?»

Напоминание о вчерашнем событии больно укулоло меня, и я обдумывал, что бы ему ответить, но тут вмешался дедушка: — «Стой, ребята, не ссорьтесь, а лучше послушайте, я расскажу вам такое о

наших бабах и о наших воронах, что ты больше не будешь называть Петьку бабой, а он другой раз не полезет на дерево.

— Ого, он опять полезет, но только штаны в карман спрячет, — не унимался Егор.

— Нет, нет, он не полезет. Ну, слушайте. Наши вороны давно живут у нас и мы так к ним привыкли, что зовем их «свои люди». Не гоним их потому, что они приносят нам много пользы. Во-первых, они стерегут наших кур и цыплят.

— Как стерегут? — спросил я.

— А вот как. Как только появится в небе коршун, которого они чувствуют издали, они поднимают особый крик, а куры понимают, в чем дело, и спасаются кто куда. Если же коршун залетит во двор, они бросаются на него и гонят его далеко, далеко. Вот какие они молодцы! Поняли?

— Поняли, дедушка. А что еще они делают?

— Они старательно разыскивают в поле, в саду и в огороде всяких жуков, червей и гусениц и поедают их тысячами. Потом наши вороны — птицы бывалые и многое видавшие. Они видели, как населялась наша станица и как мы чуть ли не каждый день вовлекались с черкесами. Вот, ребята, если-бы вы понимали по-вороньему, они рассказали бы вам, как бабуся Киселиха с другими казачками отбила нападение черкесов на нашу станицу.

— Такая старая и отбила черкесов?

— Это было давно, когда она была молодой.

— А разве была она молодой? — удивился я опять.

Дедушка и Егор рассмеялись.

— Конечно, была.

— А почему я не видел ее молодой, а всегда старой?

— Да не мешай дедушке рассказывать! — крикнул мне Егор. — Дедушка, рассказывайте.

— Хорошо, я расскажу об этом, когда повернем домой.

— Обратно я буду править лошадьми, — заявил Егор.

— Ладно. Обратно ты будешь править.

Осмотрев зелень и наложив на воз накошенной травы, мы двинулись домой. Егор важничал, правя лошадьми, и как то замечательно чмокал губами, что у меня никак не выходит, а я улегся на свежей душистой траве и от удовольствия задрал ноги. Дедушка набил трубку «самосадам», выкрасал огня и закурил.

— Ну, ребята, теперь слушайте, как бабуся Киселиха отбила черкесов от станицы, а ты, Егор, не гони лошадей, пусть идут шагом. Бабуся Киселиха в молодости была герой баба: и шашкой могла рубить, и стрелять, и кинжалом орудовать, и верхом ездить. За это не только наша станица, но и черкесы ее уважали, так как они уважают всех храбрых людей, будь то свой или враг. Вы теперь не знаете, как трудно было нам жить первое время, когда мы здесь поселились: люди болели и умирали, а дикие звери и враждебные горцы разоряли нас. Особенно допекали горцы. Того и гляди, что лошадей уведут, или быков угонят, или кого нибудь возьмут в плен, а то и убьют. Поэтому, куда бы казак ни шел или ехал, никогда с ружьем и кинжалом он не расставался, даже в поле на работе.

— А брали они детей в плен?
— Брали. Вон в Тазартуковском ауле живет За-
черий Ачмизов. Он был украден маленьким в какой-
то станице на Черномории, попал к Хасану Ачмизову,
вырос у него и очеркесился.
— А казаки тоже брали?
— И казаки брали. Да ваша тетка Ольга, что за
дядей Никитой в станице Рождественской, тоже ук-
радена нами, когда ей было три года. Отец Павел
крестил ее, принял в свою семью, как дитя, и из нее
вышла казачка.

Ну, слушайте дальше. Бывало еще и так: собе-
рутса черкесы целым аулом и идут на станицу, осо-
бенно когда не было дома мужчин. Обозленные ка-
заки платили им тем же: соберется отряд и айда к
аулам. В таких случаях станица оставалась под охра-
ной стариков, подростков и казачек.

Однажды наши станичники отправились отбивать
угнанных быков, а черкесы и проведали об этом. Со-
бралось их человек сорок под командой князя Казим-
Агама и двинулись на нашу станицу. Лазутчики их
донесли князю, что видели казаков в нескольких вер-
стах от станицы. Ну, черкесы, не теряя времени, марш-
марш вперед... Вот и станица. Но тут они рты рази-
нули. За валом оказались казаки в черкесских и па-
пах, с кинжалами и ружьями. Что за шайтан? Ла-
зутчики клялись Аллахом, что своими собственными
глазами видели уходящих казаков, а они вдруг очу-
тились дома. Что делать? Назад возвращаться ни с
чем? Дома засмеют. Крикнул Казим-Агам и его от-
ряд бросился к валу. Но за валом были настороже.
Чуть только неприятель приблизился на ружейный
выстрел, как на него посыпался град пуль и несколь-
ко человек было убито и ранено. Кинулся он другой

раз. То же самое. Кинулся и третий раз. Еще приба-
вилось у него покойников. Так они ничего не сделали
и вернулись во-свои, захватив своих убитых и ра-
неных.

— Почему же казаки, которых лазутчики видели
далеко за станицей, очутились дома?

— Да их то, детки, и не было дома, а станицу
охраняли казачки. Оделись они в черкесски и папах,
собрали дедов и подростков, взяли ружья и кинжалы
и под командой Авдотьи Киселихи встретили, как сле-
дует, непрошенных гостей...

Когда узнал Казим-Агам, с кем он воевал, то
прислал ей в подарок коня, шашку в серебре и шел-
ку на платье: коня и шашку, как храброму воину, а
шелку, известно, как бабе.

Узнало об этом и казачье начальство. Вызывают
Авдотью и ее мужа, поздравляют ее за храбрость
и спрашивают:

— Что хочешь получить — крест или пять руб-
лей?»

Авдотья пошептала с мужем и говорит:

— Давайте пять рублей.

— Почему? — удивляется начальство.

— Да уж так, — отвечает Авдотья.

И получила пять рублей. Кисель, муж ее, об-
яснил начальству: «Видите ли, ваше благородие, ес-
ли получит она крест, то станет старшей в доме и я
должен буду тянуться перед ней; а у нас того ни-
когда не бывало, чтобы баба была старше мужа. Она
это хорошо понимает».

С этого времени я стал очень почтителен к бабу-
се и... к «своим людям».

Г. Фурса

Печать о войне

Для характеристики итальянских настроений
приводим выдержку из «Корьере дела Сера»:

«Наступление итальянских войск за эритрейскую
границу является не только историческим событием
первостепенной важности: оно значительно еще по-
тому, что сразу проясняет дипломатическую позицию.
Отныне политики могут — даже должны! — разгова-
ривать и спорить, сколько их душе угодно: наши вой-
ска, пока что, будут продвигаться вперед. Такое зна-
чение итальянского наступления даже превосходит
его чисто-военную ценность: Италия открыто и сме-
ло утверждает свою волю великой, независимой дер-
жавы. Она не признает права контроля над собой ни
за каким отдельным государством — а тем более, за
группой или коалицией государств.»

Как всегда бывает в случаях твердого выражения
воли, остальные государства и большинство их поли-
тических деятелей немедленно изменили и свое от-
ношение к конфликту, и свой язык. Потеряв всякую
надежду на устрашение Италии, они пытаются обой-
ти ее ласковостью. Конечно, это — большой шаг впе-
ред, и мы радуемся происшедшей эволюции в каче-
стве европейцев и цивилизованных людей: мы были
готовы на все, но новая обстановка дает надежду на
избавление Европы от такой катастрофы, как общая
война...»

Официоз французского министерства иностранных
дел спрашивает (8 октября):

Как поведет себя Италия, если Лига Наций пред-
ложит ей приостановить дальнейшие военные дей-
ствия?

и отвечает:

«Конечно, было бы смело — загадывать, какую
позицию займет римское правительство. Тем не ме-
нее, есть основания думать, что Муссолини изучит
создавшееся положение с тем вниманием, какого оно
заслуживает. Линия общей политики Италии склады-
вается так, что ей невыгодно уходить из Лиги Наций,
и потому трудно допустить, что она открыто отка-
жется повиноваться совету. Кроме того, она сама за-
интересована в том, чтобы военный конфликт был
возможно скорее ликвидирован: итальянцы не могут

не понимать, что, продвигаясь к югу от Адуды вглубь
Абиссинии, они будут испытывать все большие труд-
ности. Теперь, когда Италия заняла Адуду и смысла
вспоминание о поражении 1896 года — в ее же ин-
тересах избежать, по мере возможности, длительной,
дорого-стоящей и кровавой кампании, тем более, что
даже в случае полного успеха эта кампания не при-
несет им больше того, что могут дать немедленные
переговоры.»

Парижская газета «Фигаро» (7 октября) думает,
что

«было бы слишком просто — предложить Англии
увести свой флот из Средиземного моря до начала
новых переговоров. Ясно, что британские суда не
уйдут, прежде чем итало-абиссинский вопрос не бу-
дет окончательно разрешен. Не отсюда надо начи-
нать...»

Оценивая создавшуюся обстановку, та же газета
8 октября пишет:

«Италия ведет большую игру — это само собой
понятно. Но не менее крупную игру ведет и Англия:
неуспех Италии отразится на положении всех евро-
пейцев в Африке. Если война затянется — от Нила
до Индийского океана разовьется и окрепнет весьма
опасный национализм. Если победит Италия — осла-
беет моральная позиция Англии.»

Многим рискует, конечно, и негус, который мо-
жет потерять трон как в результате поражения, так и
после чересчур яркой победы какого нибудь из сво-
их вассалов...»

КАЗАЧЬЯ БИБЛИОТЕКА

Ценные и редкие книги о Казачестве.
Кабинет гравюр о Казачестве.
Казачьи журналы и газеты.

Открыта ежедневно от 10 до 12 утра.
В понедельник — от 7 до 11 ч. вечера.
В субботу — от 3 до 7 час. вечера.

M-eur SEMENTCHENKOFF, 7 rue Alasseur, 7.
Paris 15. Metro: Champs de Mars.

